НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ИНСТИТУТА НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) им. С.Ю. Витте

ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) им. С.Ю. ВИТТЕ

НОВОЕ КАЧЕСТВО МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ. РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК БАЗОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОГО СЕМИНАРА

Санкт-Петербург
2018 г.

Институт
нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

НОВОЕ КАЧЕСТВО МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ. РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК БАЗОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОГО СЕМИНАРА

26 января 2018 года

Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
зал заседаний ученого совета

Санкт-Петербург
2018 г.

Новое качество материального производства: социально-экономическая трансформация. Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики. / Материалы научного семинара / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2018. – 99 с.

ISBN 978-5-00020-046-9

© Коллектив авторов, 2018

© Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2018

Содержание

Введение……..…….. 5

Программа научного семинара……..…..... 8

Вступительное слово С.Д. Бодрунова……..…..… 12

Вступительное слово А.В. Бузгалина……...…. 13

Доклад С.Д. Бодрунова «Ноосферное общество и ноопроизводство»……..…… ……..... 16

Выступление Р.С. Гринберга……...……..…..... 36

Выступление Д.Е. Сорокина……..……..…. 41

Выступление Е.Б. Ленчук…….. 46

Выступление А.Е. Карлика..……..…… 51

Выступление Д.С. Чернейко…….... 55

Комментарии С.Д. Бодрунова по выступлениям…… 59

Выступление В.Т. Рязанова..……..…….. 63

Выступление В.А. Плотникова.....…. 67

Выступление Е.А. Ткаченко…….. 71

Выступление А.И. Колганова..…… 75

Выступление А.Е. Городецкого...……..…….. 78

Выступление Л.А. Булавки-Бузгалиной……..…….. 81

Выступление Н.Г. Яковлевой..... 84

Выступление Р.Н. Павлова..... 87

Выступление Д.Б. Джабборова..... 90

Выступление О.Ю. Непочатых..... 93

Выступление Д.Д. Сорокина..... 95

Выступление Н.Ф. Газизуллина..... 97

Выступление А.И. Субетто..... 98

Введение

26 января 2018 г. в Санкт-Петербурге состоялся очередной научный семинар Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте по теме «Новое качество материального производства: социально-экономическая трансформация. Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики».

В семинаре приняли участие научные сотрудники и специалисты Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского политехнического университета, Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета и других учебных заведений Санкт-Петербурга.

С основным докладом выступил д.э.н., профессор, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России С.Д. Бодрунов. Тема доклада «Ноосферное общество и ноопроизводство».

С обсуждением данного доклада на семинаре выступили:

Р.С. Гринберг – научный руководитель Института экономики РАН и Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор, чл.-корр. РАН;

Д.Е. Сорокин – научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, научный руководитель Московского отделения Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор, чл.-корр. РАН;

Е.Б. Ленчук – директор Института экономики РАН, д.э.н., профессор;

А.Е. Карлик – заведующий кафедрой экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор;

В.Т. Рязанов – заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, д.э.н., профессор;

Д.С. Чернейко – председатель Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга, д.э.н.;

В.А. Плотников – главный научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, профессор кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор;

Е.А. Ткаченко – профессор кафедры экономики и управления предприятиями Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор;

А.И. Колганов – заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор;

А.Е. Городецкий – руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН, д.э.н., профессор;

Н.Г. Яковлева – ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, к.э.н.;

Л.А. Булавка-Бузгалина – профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.фил.н., профессор;

Р.Н. Павлов – старший научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, к.э.н.;

Д.Б. Джабборов – старший научный сотрудник Центра современных марксистских исследований МГУ имени М.В. Ломоносова, к.э.н.;

О.Ю. Непочатых – аспирант Юго-Западного государственного университета;

Д.Д. Сорокин – студент Финансового университета при Правительстве РФ.

Модератором семинара выступил А.В. Бузгалин – директор Института социоэкономики Московского финансово-юридического университета, руководитель Центра «Общество знаний» при заместителе председателя Комитета по образованию Государственной Думы ФС РФ, заслуженный профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный редактор журналов «Вопросы политической экономии» и «Альтернативы», сопредседатель Конгресса работников образования, культуры, науки и техники, заместитель Председателя

организационного комитета Московского экономического форума, визит-профессор Пекинского государственного университета, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н.

А.А. Золотарев, исполнительный директор ИНИР им. С.Ю. Витте, к.э.н.

Программа
научного семинара
«Новое качество материального производства: социально-экономическая трансформация. Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики»

26 января 2018 года

Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
зал заседаний ученого совета (аудитория 2125, 2 этаж)

Регистрация участников семинара, презентация изданий ИНИР – $\mathbf{10^{30}}$ - $\mathbf{11^{00}}$.

Открытие семинара – $\mathbf{11^{00}}$.

Научный руководитель семинара – С.Д. Бодрунов.

Основной докладчик – д-р экон. наук, профессор, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества (ВЭО) России С.Д. Бодрунов.

Тема доклада: «**Ноосферное общество и ноопроизводство**».

Выступающие:

1. Гринберг Руслан Семенович – д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, научный руководитель Института экономики РАН и Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте;

2.	Сорокин Дмитрий Евгеньевич	–	д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, научный руководитель Московского отделения Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте;
3.	Ленчук Елена Борисовна	–	д-р экон. наук, профессор, директор Института экономики РАН;
4.	Карлик Александр Евсеевич	–	д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета;
5.	Рязанов Виктор Тимофеевич	–	д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета;
6.	Чернейко Дмитрий Семёнович	–	д-р экон. наук, председатель Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга;
7.	Плотников Владимир Александрович	–	д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, профессор кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

8.	Ткаченко Елена Анатольевна	–	д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и управления предприятиями Санкт-Петербургского государственного экономического университета;
9.	Колганов Андрей Иванович	–	д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем МГУ им. М.В. Ломоносова;
10.	Городецкий Андрей Евгеньевич	–	д-р экон. наук, профессор, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН;
11.	Яковлева Наталья Геннадьевна	–	канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте;
12.	Чекмарев Василий Владимирович	–	д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и экономической безопасности Костромского государственного университета;
13.	Бузгалин Александр Владимирович	–	д-р экон. наук, руководитель московского отделения Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, руководитель Центра современных марксистских исследований, профессор кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова;

14. Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна – д-р филос. наук, профессор философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова;

15. Павлов Руслан Николаевич – канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН;

16. Джабборов Далер Бахтиерович – канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра современных марксистских исследований МГУ им. М.В. Ломоносова;

17. Непочатых Ольга Юрьевна – аспирант Юго-Западного государственного университета.

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, д.э.н., профессор
(научный руководитель семинара)

Вступительное слово
(стенограмма)

Уважаемые коллеги, попрошу внимания! Сосредоточимся на нескольких словах о проблемах, которые бесконечно волнуют ИНИР, а также все прогрессивное человечество (правильно?) в нашем лице. Мы сегодня это обсуждали уже в кулуарах. Наш семинар, который длится в таком непрерывном жанре уже почти лет 12, постепенно приобретает характер этакого футурологического семинара, потому что проблемы, которые мы обсуждаем, – это проблемы фактически не вчерашнего, не сегодняшнего дня, и не только истории, – это проблемы будущего. Почему? Потому что все мы понимаем, как велика зависимость исторического развития цивилизации от того, как развиваются производство, технологии, в частности, как это отражается на проблемах сегодняшнего дня и как это может повлиять на будущее.

Я очень рад приветствовать всех на нашем семинаре. Мы планировали его провести еще в ноябре прошлого года, даже рассылали тезисы доклада, но перенесли почти на три месяца из-за общей большой загруженности, а потом каникул, но, надеюсь, идеи доклада пока не устарели (смех в зале). Я счастлив, что к нам приехали уважаемые гости, мы сегодня будем слушать их доклады и от имени петербуржцев, нашей питерской части семинара, поприветствуем традиционную и горячо любимую московскую часть нашего семинара. В этом случае мы считаем, что хоть говорят – наука интернациональна, я считаю, она вненациональна, и уж тем более – не городская. Мы не будем делить участников на питерских и московских, мы все вместе здесь. Но все же, как хозяева из этого города, мы приветствуем здесь наших гостей. Уважаемые друзья, если позволите, времени у нас не очень много, поэтому я хотел бы передать слово А.В. Бузгалину, который будет модерировать наше мероприятие, а сам подготовлюсь к докладу.

А.В. Бузгалин,
руководитель Центра современных марксистских исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель московского отделения Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор
(модератор семинара)

Вступительное слово

(стенограмма)

Спасибо, Сергей Дмитриевич! Как уже было сказано, наш семинар имеет многолетнюю историю, и я рад, что мы с вами встречаемся в этом ограниченном кругу. Семинар так устроен, что не может быть публичным зрелищным мероприятием, поэтому мы ограничили количество участников, которые все равно, тем не менее, явно превысили тот круг, который мы ожидали. Посему – не удивляйтесь, если мы не всем сможем дать слово, таковы правила игры в рамках этого семинара. Выступают оглашенные программой участники. Я очень рад, что мы сегодня здесь – в стенах нашего СПбГЭУ, Финэка, который мы все любим, знаем и не первый раз здесь встречаемся. И я думаю, будет правильно, если Елена Анатольевна Горбашко, проректор университета, скажет нам несколько слов от имени этого дивного замечательного учебного заведения.

(**Горбашко Е.А.**: Уважаемые коллеги, добрый день! От лица ректора нашего университета И.А. Максимцева, от нашего профессорско-преподавательского состава я хочу вас сегодня поприветствовать здесь на семинаре. Выбрана тема исключительно важная для сегодняшнего дня, для развития нашей экономики. Новое качество материального производства – это достаточно громко, потому что сформировать это новое качество материального производства необходимо, ну, наверно, в не очень длительные сроки. Ситуация в российской экономике не простая, вы, наверно, будете об этом сегодня говорить. Она связана и с политической ситуацией, с усложнением политической ситуации. Она связана и с общим состоянием экономики. Конечно, нужно находить новые факторы роста российской экономики. И вот то, что сегодня вы будете обсуждать проблематику, соответственно, связанную с новым

индустриальным развитием, нам представляется исключительно важным.

Но я хотела бы сказать несколько слов еще о другом. Очень важно, что здесь собирается научное сообщество. Потому что сегодня взаимодействие университетов, науки, бизнеса, производства представляется основной тенденцией, по которой идет развитие практически любых образовательных систем и любого научного сообщества в мире. Если говорить о тенденциях развития системы образования, то сегодня большинство университетов именно ориентированы на интеграцию науки, образования и производства. И вот если сегодня будут звучать интересные идеи, связанные с развитием производства, которое, вне всякого сомнения, является базой для развития качества жизни, для развития каждого гражданина страны, то мне кажется, что это уже большая заслуга нашего научного сообщества. Мне хотелось бы, чтобы мы сегодня обсудили вопросы и экономики знаний, и вопросы взаимодействия университетов и научного сообщества, и, соответственно, бизнеса. И все это воплотили в дальнейшем в жизнь. Надеюсь, что семинар пройдет в теплой дружественной обстановке, что будет интерес к развитию проблематики и на дальнейших мероприятиях, которые проводятся в т.ч. и в нашем университете. Их достаточно много, много мы проводим конференций, сообщаем об этом на сайтах, готовы сделать еще дополнительную рассылку. В перспективе у нас – конференция «Архитектура финансов», которая, видимо, будет вам интересна. В апреле мы проводим такую конференцию, как "Проблемы современного менеджмента", и ряд других мероприятий. Приветствую вас в нашем университете. Спасибо.)

Спасибо большое, Елена Анатольевна! (Аплодисменты.) Действительно, дружба с СПбГЭУ, с Финэком продолжается у нас не первый год, не первое десятилетие, наверно – пожалуй, даже так. Друзья, у меня сегодня будет неблагодарная роль будильника, поэтому вы на меня сегодня не обижайтесь, хорошо? Если это получится. У нас много интересных выступлений, и мы решили построить семинар наш так, чтобы в нем приняли участие не только крупные ученые, руководители научных центров России, но и молодежь – новое поколение ИНИРа. И поэтому такой диалог поколений будет частью нашего сегодняшнего заседания. Семинар начнем с фундаментального доклада. Мы всегда посвящаем семинар

большому развернутому докладу, который является основой для обсуждения. Этот доклад сегодня сделает директор Института нового индустриального развития, Президент ВЭО России, доктор экономических наук, профессор С.Д. Бодрунов. Сергей Дмитриевич, пожалуйста, Вам слово!

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, д.э.н., профессор

Ноосферное общество и ноопроизводство

(стенограмма доклада)

Спасибо большое.

Уважаемые коллеги, наш семинар имеет некое известное общее наименование. Сегодняшний доклад будет посвящен более проблемным, отдаленным вещам, так что можно взглянуть на экран, на котором обозначено название сегодняшнего заседания семинара. Теперь - о названии доклада. Я хотел бы назвать свое выступление примерно так, как название заседания. Но есть, собственно, два варианта названия. Одно – это: «Нооиндустриальное производство – шаг к неэкономическому развитию». И второе название этого доклада, даже не знаю, какое из них точнее, хотя Бузгалин меня критикует за такие названия, но я бы назвал так: «От зоо к ноо – человек, общество, производство в экономике грядущего века». Вот исходя из этих вещей, этого названия уже понятно, какой проблеме я буду посвящать свой доклад и какой обструкции собираюсь подвергнуться с вашей стороны и со стороны тех людей, которые потом будут читать материалы этого семинара. Меня Александр Владимирович предупреждал, что, наверно, в ближайшее время ты "получишь много" от наших коллег на "Олимпе", и убеждал, что, может быть, не стоит так радикально говорить, как я собираюсь. Он внимательно мои вещи читает, и не только читает, а иногда звонит и говорит, что надо менять; он меня вчера даже настраивал, что не надо так радикально. Я, тем не менее, буду говорить…

(Бузгалин А.В.: Коллеги, вы поняли, что главный злодей этого семинара – Бузгалин.)

Ну, естественно, кто-то же должен рамки задавать! Уважаемые друзья! Начну с постановки проблемы. Существующие экономические отношения, основанные преимущественно на различных видах частной собственности, более-менее регулируемые рынком, сейчас часто называют естественными, соответствующими

биологической природе человека. Реже, но все же регулярно отношения в экономике сравниваются с борьбой за существование. Человека, в какой-то мере, сравнивают с эгоистом, причем от природы. На наш взгляд, все эти утверждения столь же верны, сколь и не верны, сколь ложны. И это не выверт диалектического мышления, моего в частности, я как раз в своей основе математик. Знаете, мое первое образование – математическое, и я в общем-то считаю, что это все-таки двусторонность реальности. Как в случае со светом – он и волна, и частица. Да, человек – биологическое существо, зоосущество, нацелен на борьбу за существование, на различные виды конкуренции. Да, в условиях рыночной экономики человек является преимущественно рациональным, пусть ограниченно, экономическим состоянием, как говорят, максимизирующим бенефиции, в большинстве случаев – денежный доход, и минимизирующим издержки, прежде всего – своего труда.

Но, коллеги, человек не только биологическое, но и социальное существо, а общество и экономика развивались и развиваются не только на основе частной собственности и рынка. Именно с оглядкой на этот дуализм природы и общества, я везде постоянно оговариваюсь – как правило, в большинстве случаев и т.п. Мы не собираемся спорить с тем, что сегодня в экономике господствуют отношения рыночной конкуренции, куда в значительной степени перенеслись законы «зоо». У большинства экономических акторов мы видим стремления, далекие от солидарности и взаимопомощи. И это не случайно. Массовое индустриальное производство, сфера услуг и сегодня в значительной мере продолжают быть основанными на таких технологиях, которые закономерно обусловливают господство именно таких отношений и такого поведения человека, соответствующих ценностей и мотивов. Однако мы не раз говорили на этом семинаре, да и в ряде работ, которые публиковались нашим институтом, что развитие мировой экономики и цивилизации по этому зоопути, я бы так его назвал, чревато серьезными угрозами и вызовами, нарастающими противоречиями и конфликтами, могущими привести к глобальным кризисам разного вида. Ну, об этом мы много говорили, публиковали материалы.

Вот вопрос: есть ли позитивный сценарий? Мой ответ: да. А следующий вопрос: а с какой стати? Вот на этот следующий вопрос

я попытаюсь дать ответ – с какой стати мы можем иметь позитивный сценарий.

Дело в том, что новый век приносит качественные изменения в технологическую и социально-экономическую сферу, позволяющие с оптимизмом смотреть в будущее. Однако, подчеркиваю, не без серьезных и осознанных обществом усилий, требующих преодоления зоотренда развития цивилизации и перехода к иному пути развития.

Но в таком случае возникает ряд вопросов: что это за общество? Каковы его основы, базовые черты, устройство? И не потребует ли это вообще формирования нового типа потребностей, ценностей и мотивов и, наконец, в некоторой мере, нового человека, человека с другими потребностями? Человек как раз и состоит не только из биотела.

Вот такова постановка вопроса.

Начну с того, что рынок 21-го века весьма далек от тех абстракций, которые изложены в первых томах «Капитала» или в учебниках по макроэкономике. При всех различиях в определении ценности стоимости я не буду останавливаться на значении термина Wert, но и тот и другой источник исходят из того, нарочно повторю специально, что рынок есть система отношений обособленных акторов, максимизирующих стоимостной доход и минимизирующих издержки. Но современный марксизма (вот тут у нас рядом марксист Бузгалин, он, если надо, позволит уточнить) и последние главы любого экономикс говорят о том, что экономика сегодня – это производство не только частных, но и общественных благ, что в ней существуют многообразные социальные трансферты, и т.д., и т.п. Можно предположить, и это не будет ни для кого неожиданной такой гипотезой, что и работники, и потребители, и предприниматели сегодня ориентированы на максимизацию не только денежного дохода и минимизацию затрат, но и на развитие своих человеческих качеств, в том числе – во внерыночном секторе, типа удовлетворенности трудом, ну и т.д.

Более того, это хорошо известно вообще-то каждому предпринимателю, который занимается, условно говоря, системой стимулирования персонала. Следовательно, уже сейчас человек, я бы сказал, не только зоо, но и ноочеловек, разумный, ориентированный на собственные человеческие ценности, на собственно человеческую

духовную природу. К более такому строгому определению я подойду чуть позже. Но это не все. Рыночная экономика, чем дальше, тем больше становится пространством производства уже не столько реальной потребительской стоимости, удовлетворяющей реальные потребности, сколько созданием товаров-симуляторов, представляющим симулятивные потребности, искусственно создаваемые с помощью маркетинга, пиара, других торговых коммерческих технологий, получивших широкое распространение при все более широком использовании цифровых технологий. Природа и роль симулятивных товаров, симулякров, всего лишь знаков удовлетворения мнимой потребности, была исследована достаточно давно. Если помните, Жан Бодрийяр еще, там, в 70-е годы писал об этом достаточно подробно, а потом появились переводные книги у нас, ну и т.д. Симулякр – это не просто социальный феномен. Массовое производство симулякров привело к возникновению и формированию обширного рынка симулякров, превратившегося в значимое социально-экономическое явление. Конечно, симулятивные потребности также находятся под воздействием тех технологических сдвигов, которые меняют структуру потребностей вообще. Поэтому то, что ранее казалось симулятивной потребностью, например, лак и губная помада для жителей села 60-х годов прошлого, 20-го века, сегодня уже перешло в разряд нормальных, общепринятых вещей и не является симулякром. С течением времени симулякры могут приобретать форму нормальных потребностей, либо, наоборот, нормальные потребности – уходить в форму симулякров. Например, сахар был такой очень серьезной важной потребностью (19-й – 20-й век), но с развитием технологий, с развитием понимания роли сахара в формировании диабета и т.д., сегодня считают по-другому… Вот я к врачу зашел, мне говорят – дорогой друг, сахар есть прекращай, будут происходить жуткие вещи. Постепенно происходит замещение одних вещей другими: симулякрами могут стать нормальные вещи, нормальные вещи – симулякрами.

Однако, я бы сказал, следующий этап связан с тем, что современное рыночное хозяйство, исторически обусловленное зооприродой, прибегает к необычному раздуванию таких симулятивных потребностей. В погоне за чем? В погоне за тем, что мы всегда наблюдаем в наших газетах или в выступлениях наших

лидеров, экономических лидеров в том числе, – за ВВП, за объемом сбыта, за объемом производства и т.д. И не случайно производство и потребление симулякров столь широко распространилось в последние десятилетия. Глубинная причина этого в чем? В сдвигах в структуре общественного производства, произошедших на рубеже 70-х – 80-х годов. Мир в это время захлестнули мифы о постиндустриальной экономике. И они возникли не на пустом месте. Они, я бы сказал, порождали безудержный такой рост сферы услуг и сами на этом росли. С одной стороны. И деиндустриализацию – с другой, которая впитала все вокруг. Происходило все на фоне виртуализации всего и вся. Вот это собственно и явилось материальной основой, хотя и не всей, экспансии симулятивного производства и симулятивных потребностей. Ну и – идейное сознание, я уже сказал, происходило на идейной "подложке" – это разрастание симулятивных благ, потребностей на фоне постиндустриалистского формируемого отношения к реальности.

Все эти изменения, если смотреть внимательно, ведут нас в тупик. Можно сказать, уже в какой-то мере заводят в тупик. Я не буду в этом докладе распространяться о том, какими негативными последствиями обернулась эта наша такая мифология, точнее, не наша – вообще такая мифология. Рассматриваемая нами в данный момент. Важно другое. Мир избавляется от этого наваждения. Медленно, я бы сказал так, – не везде, но постепенно избавляется. Появляются какие-то мысли в среде экономических теоретиков, особенно в сознании. Исчерпывание так называемой постиндустриальной парадигмы происходит с большим отставанием от реалий, но все же происходит. Мы в ИНИРе говорим об этом давно, я не буду еще раз напоминать, что в общем-то это уже позавчерашний день наших семинаров. Тем не менее я считаю, что просто напомнить бы об этом следовало. Я хотел бы сказать, что мы, рассматривая все эти вещи, подошли к тому, что на прошлых семинарах мы обозначили как следующий шаг развития, шаг нового индустриального общества второго поколения, следующего поколения, НИО.2. Однако уже за этим шагом просматриваются такие дали, более далекое, отдаленное будущее, потому что о том, что происходит, мы говорили 5-10 лет назад, и оно происходит уже сейчас, и оно влечет за собой определенные вещи, которые уже необъяснимы с точки зрения того, что будет в парадигме НИО.2. Вот

для оценки этого более отдаленного будущего я напомню, о чем мы говорили на наших семинарах о НИО.2. Я коротко постараюсь это сделать для тех, кто сегодня, возможно, присутствует первый раз.

В своих работах предшествующих мы не раз писали, что в основе разумной деятельности человека лежит императивное требование удовлетворения своих потребностей. Это императив. Вот их осознание – потребностей – подвигает человека к поиску нового знания – как эту потребность удовлетворить. Но полученное новое знание в силу своей природы дает более широкие возможности, чем простое удовлетворение вызвавших их потребностей. Оно "шире" по своей природе, чем просто ответ на поставленный вопрос, и дает, вследствие этого, осознание формирования потребностей нового, следующего уровня, и т.д. Т.е. – все дело в знании как особом феномене. Вот именно отсюда – закон возвышения потребностей. Мы также писали, что каждый и всякий продукт, получаемый в результате производственной деятельности, тоже содержит, помимо материальной основы, нематериальный элемент – знание. Оно присутствует во всех компонентах, мы разбивали процесс на компоненты – материалы, технологии, включая средства производства, организацию производства и, наконец, человеческий труд в рамках производственного процесса. Соответственно, знания составляют, наряду с такой материальной основой, неотъемлемую часть продукта производства. Очевидно тогда, что следующим законом возвышения потребностей является закон увеличения количества знаний в продукте. Но не только в их количестве дело. Количество, как известно, переходит в качество. На протяжении всей истории развития общества имеет место непрерывное увеличение относительной доли знаний, как во всех компонентах производства, так и в продукте при относительном снижении в последнем доли материальной части. С изменением качества и финального результата производственного процесса – продукта, и компонент этого процесса.

Почему это происходит и какова структура, если позволите, этих знаний? Я чуть позже поясню. Сейчас скажу только, что, однако, неправомерно делать отсюда вывод о том, о чем говорит постиндустриальная концепция – в отмирании собственно роли материального производства. Из этого следует делать иной вывод – о непрерывном росте знаниеемкости продукта материального

производства не только в количественном, но и в структурном аспекте, и о переходе вследствие этого к качественно новому типу материального производства. С технологической точки зрения его основу составит постоянно возрастающий уровень имплементированных знаний в технологии, что позволяет говорить о знаниеинтенсивности технологий в индустриальном производстве в НИО.2. В таком производстве определяющую роль начинают играть операции и процессы, когда человек выступает, по Марксу, скажем, не как придаток машины, станка, конвейера, а как носитель знаний. Человек становится рядом с производством и относится к самому процессу производства, как говорит Маркс, как контролер и регулировщик. На этой основе формируется принципиально новый тип индустриального производства. Мы его назвали «знаниеинтенсивное производство». Изменения в технологиях производства приводят к новому качеству его продукта, превращению его в знаниеемкий материальный продукт, составляющий одновременно новое качество и главного ресурса, и результата новой индустриальной экономики. Знаниеемкий материальный продукт отличается от обычного материального продукта существенным снижением необходимости привлечения натуральной энергии и природных сил для производства продукции, уменьшением удельного расхода сырья и материалов. Удельного, подчеркну, расхода. При одновременном резком возрастании в структуре продукта доли знаний, применяемых при его производстве.

Вот таков горизонт ближайшего будущего, который мы обозначили на предыдущих семинарах.

Но вопрос – что дальше? Это вообще-то – вопрос вопросов. Потому что это «дальше» рождается уже сегодня на самом деле как вызов человеку и обществу со стороны природы, экологии, технологий и других глобальных проблем. Рождающееся новое индустриальное общество второго поколения разрешает, уважаемые коллеги, часть противоречий предшествующей эпохи. Но не все. Например, остаются наиболее глубинные, связанные со смыслами человеческого существования. И кроме того, оно порождает новые, я бы сказал, такие, например, как технологизация человеческой жизни и самого человека, возможность достичь экологической сбалансированности сопрягается с рискованным вторжением

технологий в живую материю, и т.д. Это обостряет эти противоречия. Отсюда необходимость взгляда на еще более отдаленное будущее, имеющее более широкий исторический горизонт ради поисков путей развития, соединяющего рационально-технический такой подход с нашей, я бы сказал, духовной мудростью, философской постановкой целей и задач нашего развития. Я подхожу к ноопроизводству и ноономике как к некому концептуальному взгляду на будущее.

Почему мы сегодня можем и должны ставить вопросы, которые, казалось бы, лежат в таком далеком будущем? Я уже говорил и еще раз повторю – потому что это на самом деле не такое уж далекое будущее. Я не могу сказать, в какие годы оно точно наступит и в какой форме оно будет протекать, но то, что происходить эти процессы будут в ближайшие 10-летия, – это совершенно ясно. Это значит, что надо понимать, что необходимо этим заниматься уже сейчас. Но почему это будет происходить достаточно быстро, я скажу, исходя из двух вещей. Первое, если мы посмотрим сегодняшний день и поймем, чем мы сегодня пользуемся: TV, компьютеры, интернет-технологии, – то можно сказать, что недалеко отсюда, в стенах ИНИР, где сегодня институт находится, инженер Зворыкин демонстрировал TV в начале 20-го века в 20-х годах, и прошло несколько десятилетий – и сегодня это та технология, которая просто объединяет человечество, если можно так сказать, лежит в основе того, что сегодня продвигается. Или – совсем недавно, каких-то 40 лет тому назад, я был студентом, и мы работали на технологической основе тех вычислительных мощностей, которые были в те времена. Нам казалось – это такой огромный прорыв в будущее. Сейчас эти технологии развились и уже – в таком виде, что трудно себе тогда это было представить, а все было не так давно. Мне скоро 60, а это было 40 лет назад, или 35 лет назад, возможно, когда мы работали с этой техникой. Хотел бы напомнить, во-вторых, что сейчас прогресс технологий резко ускорился, поэтому те вещи, которые мы сегодня наблюдаем, если внимательно всмотреться в их применение, ведут к быстрому изменению особой значимости тех вещей, которые они вносят в нашу жизнь. И в этом плане я хотел бы еще, в-третьих, напомнить о том, что изменение технологий влечет за собой изменение, если мы говорим об экономике, экономических отношениях, изменение

отношений людей между собой, формирование новой парадигмы существования общества. Исходя из этого, я полагаю, что нам надо все-таки думать не только о том, что будет завтра, но и о том, что "послезавтра" может наступить уже завтра. Вот я бы так сказал.

Какие технологические изменения, которые сегодня кажутся почти фантастикой, уверен, "выстрелят" через пару десятилетий? И я хотел бы, может быть, напомнить в двух словах и, пользуясь случаем, просвещенной аудитории некоторые из таких новых технологий, которые рождаются уже сегодня. Мы все больше и не случайно слышим про нанотехнологии, целенаправленную перестройку генома, искусственный интеллект, массовый переход на аддитивные технологии, альтернативную энергетику и робототехнику. Наш обзор, который мы готовим в ИНИРе, насчитывает более 200 таких, я бы сказал, эпохально-перевертывающих технологий во всех сферах жизни. Но мне представляется, что такой колоссальной основой этих всех технологий являются три базовые вещи, три топ-технологии, которые включают в себя другие субтехнологии, я бы сказал. Одна – это технологии, так называемые, доверия. Яркий пример – это блокчейн, который имеет огромный потенциал проникновения в другие технологические сферы. Об этом я буду говорить на следующем семинаре, возможно. Второе – это квантовые технологии, которые позволяют переносить все, не только материалы, но, как говорится, все содержимое любой части материального производства. Переносить, смещать, соединять, разъединять и т.д. Это совершенно непредставимая сегодня по скорости и свойствам технология. И третья за квантовыми технологиями – это искусственный интеллект, нейросети, который объединяет и все виртуальное пространство, и эти технологии. Вот, собственно говоря, это три вещи, на которые надо обратить внимание.

Можно ли инициировать их продвижение уже сегодня, и каким экономикам это по силам? По силам ли это нашей экономике или по силам это экономикам каким-то еще?

Прежде чем ответить на эти вопросы, я подчеркну: изменение технологий и экономических отношений грядущего самым непосредственным образом связано с рождением нового типа человеческой деятельности, а значит, новым типом человека.

Человечество стоит, если абстрагироваться от вариаций, в принципиальном плане, на пороге одной из самых важных развилок своей истории – либо путь в технотронное общество, где человек будет удовлетворять безмерно растущие симулятивные потребности, а большинство будут заняты в сфере обслуживания, которая все больше будет превращаться в «сферу прислуживания», либо поворот к другому обществу. Обществу, я бы сказал, человека разумного.

О проблемах техновариантов развития, техногенезиса, техносущности, техноценозов исписано немало. Мы в ИНИРе уже более 20 лет эти вопросы изучаем, я еще и раньше, честно говоря, начал об этом думать, едва ли не студентом. И чем дальше продвигаемся, тем больше уверяемся в необходимости двигаться по другому варианту, варианту перехода к нооиндустриальной парадигме развития. У большей части экономистов, особенно сегодня, когда мы наконец-то повернулись лицом к проблемам возрождения индустриального производства, мне кажется, такое осознание происходит, и не только в идеологическом плане. Хотя многие к этому феномену относятся скорее как к некой утопии. Но мы, отдав много лет доказательству необходимости реиндустриализации, сегодня говорим: ученым уже пора идти дальше, посмотреть в завтрашний, если не в послезавтрашний день – туда, где проблемы реиндустриализации уже, условно скажем, решены или, по большей мере, все больше решаются, по большей мере уже занимают пространство, достойное их. Не забывая о злобе дня нашей индустриальной парадигмы, которая, конечно же, "довлеет", мы не должны отказываться от необходимости взгляда за горизонт.

Это развитие по новому типу тем более необходимо и возможно, что само понятие ноосферы было предложено уже давно, мы знаем это. Почти 100-летие назад оно было предложено в 20-х годах прошлого века сначала католическими философами и естествоиспытателями Эдуардом Леруа и Пьером Шарденом, это 30-е годы, но история и практика показывают, они были не без влияния Вернадского сделаны, Владимира Ивановича, который лекции там читал, а потом концепцию ноосферы пытался разработать в последующие годы. Но я могу сказать, что концепция ноосферы претерпела некие такие, знаете, упрощенческие пертурбации и превратилась в общем-то в такую некую концепцию соответствия

жизни человека природным каким-то явлениям, жизни в природе, экологическим факторам и т.д. Я бы эту идею отделил, вполне научную и обоснованную, от целого ряда разных других вещей. Например, те же Леруа и Шарден обратили внимание на этакую мистическую, что ли, сторону этого дела. А на самом деле это – рациональная вещь. И в своем рациональном виде концепция ноосферы вряд ли может быть оспорена, потому что основной тезис Вернадского, начиная с начала 20-го века – «человечество становится ведущей геологической силой, и оно отныне ответственно за воспроизводство биосферы Земли», был многократно подтвержден исторической практикой как в позитивном, так и в негативном, к сожалению, смысле. Техногенез, т.е. создание техносферы и наполнение ее техновеществом, уже соперничает с биогенезом и биосферой по извлечению массы вещества электроэнергии. Я не буду приводить цифры, они потрясают, но эти цифры мы уже приводили в наших выступлениях. И мне кажется, более доказательных вещей, чем то, что происходит на практике, не существует.

Замечу, техносфера превратилась в колоссальную и во многом независимую, подчеркну, от человека силу, влияющую и на развитие самого человека, что только увеличивает ответственность человека за выведение этой силы, я бы сказал, за разумные рамки, взращение стихийно-деструктивного воздействия техногенных процессов. Вот эта ответственность может быть осознана и превращена в систему действий коллективных акторов, а может быть – не осознана, а может – осознана, но не реализована в силу коллективной безответственности людей, человечества. Итак, вывод нашего российского мыслителя о генезисе ноосферы, сделанный более полувека назад, на протяжении 20-го века постепенно стал и становится все более очевидным для широкого круга интеллектуалов. Но экономисты им интересуются вяло, честно говоря. А ведь развитие понятия ноосферы в своем логическом продолжении (именно этим мы сейчас – поиском путей цивилизационного развития – озаботились) имеет самое непосредственное отношение к судьбе экономики. Более того, цивилизации в целом. Вот посмотрим на концепцию ноосферы – фактически речь идет о том, что хозяйственная деятельность, удовлетворяющая потребности человека, будет определяться в

первую очередь неэкономическими критериями, поскольку сами потребности примут неэкономическую форму. Кроме того, экономика как сфера отношений между людьми по поводу производства и обмена продуктов вообще будет сжиматься, вплоть до ее полного исчезновения. Не потому, скажем, что затраты труда или энергии на производство будут неважны более, а потому что человек уже не будет непосредственно вовлечен в соответствующую деятельность. А значит, и отношения между людьми по поводу этой деятельности возникать уже не будут. Человек уйдет из непосредственного производства, целиком заставив работать на себя порождения техносферы. И речь идет уже не об утопии, этот процесс уже происходит на самом деле, если мы внимательно всмотримся в то, что происходит. Человек уже отдаляется от непосредственного производства и участия в нем. Например, стоящая уже у порога индустрия 4.0, так называемая, или интернет вещей. А не является ли это некой материальной подготовкой к такого рода переменам? На мой взгляд, – да.

Мы не будем спешить, давать сегодня законченные определения, технологические обоснования этого феномена – пока это рано делать. Но, подчеркну, речь идет о сдвигах несоизмеримо более глубоких, нежели тривиальный учет технологических ограничений и принятия неких экономических решений. Это, я бы сказал, сильно упрощенческий, "недомысленный" подход. Речь идет о начале качественных изменений в содержании производства, потребностей, ценностей и мотиваций человеческого поведения. И естественно, социально-экономических отношений и институтов. Основой для этого, повторю, являются качественно новые технологии, которые превращают полуутопические модальности 20-го века в практически реализуемые задачи современности и ближайшего будущего.

Мы отнюдь не склонны идеализировать ни теорию ноосферы, хотя она может стать, на наш взгляд, такой концептуальной платформой для формирования наших представлений о будущем, ни рождающийся в некоторых своих элементах на наших глазах объект – ноосферное общество или нообщество, если коротко говорить, с соответствующими ему производством и новыми хозяйственными отношениями, являющимися уже не чисто экономическими, в широком смысле этого слова.

Ноосфера в ее, так сказать, расширенной трактовке, хотя мы будем использовать ее традиционное наименование, чтобы не придумывать новое, – это нечто, возникающее не целенаправленно, а как неизбежный продукт развития человеческого общества на определенной ступени. Сама по себе она не гарантирует нам царство свободы или царство добра, поэтому само наличие ноосферы сразу ставит вопрос о том, какие именно императивы разума будут в ней господствовать.

Отсюда вытекают и те вопросы-вызовы, на которые мы должны по идее ответить. А какими императивами будет управляться производство материальной и духовной жизни человека, тех общественных отношений, которые регулируют это производство? Чем определяется выбор этих императивов?

Вот от этого в определяющей степени и будет зависеть состояние ноосферы, нообщества в целом.

Так, общественное производство в нообществе, насколько мы можем судить на основе анализа объективных процессов, уже начавшееся развиваться в последнее время, формируется как система, включающая следующие такие некие аспекты. Первое – приоритетное развитие знаниеемкого умного производства. Мы его можем назвать, избавляя от кавычек, отделяя от "умного" производства – ноопроизводство. Во-вторых, обусловленная этим интеграция производства, науки, образования в рамках единых воспроизводственных контуров, ведущих к формированию новых типов воспроизводства, я бы назвал его – ноовоспроизводство, обеспечивающее приоритетное формирование условий развития ноосферы. Далее, постепенное снижение роли утилитарных и симулятивных потребностей и возвышение нового класса потребностей – потребностей человека разумного – ноопотребностей. Далее, развитие новых, соответствующих этому ценностей и мотивов деятельности основных субъектов материального и духовного производства, которые теряют свойства экономические постепенно. Далее, в переходный к этому период происходит трансформация экономических отношений и институтов в направлении их социализации и гуманизации, в частности за счет развития нооориентированного программирования рыночной экономики, проведения активной индустриальной политики – в части развития умного производства, применения частно-

государственного партнерства, ориентированного на решение этих задач абсолютно практически. И – последнее по счету, но не по значению – возвышение культуры, как сферы, обеспечивающей решение ключевых задач нооразвития.

Вот, собственно говоря, поэтому можно было бы сказать, что возникает ноономика – новая хозяйственная система, отличающаяся от экономики отсутствием отношений людей между собой в процессе материального производства.

Позволю себе некоторые комментарии к этим тезисам.

Ноосферное производство, в отличие от современного и даже от производства в период НИО.2, в которое мы сейчас, собственно, вступаем, преимущественно будет выступать как производство, извините, самого человека, нежели как производство материальных условий его существования. Казалось бы – некий парадокс. На самом деле – нет. Что я имею в виду? Уточним, простите за наглость, известную фразу Энгельса о том, что «труд создал человека». Нет, не все так прямолинейно. Я не думаю, что Энгельс говорил об этом и именно так. Здесь труд – это не просто механические действия.

Труд, я бы сказал так, – это осознанная преобразующая деятельность человека для удовлетворения своих осознанных потребностей. Разрастание, возвышение нематериальных потребностей человека в их общей структуре, их осознание человеком меняет постоянно, step by step – и содержание самого труда, этого вида деятельности, и человека, эту деятельность осуществляющего. То есть все время создается человек, все время пересоздается, дополнительно создается. Осознание потребностей и осознание способа их удовлетворения – вот двухчастная интеллектуальная знаниевая компонента труда. Таким образом, заметим на полях, не столько труд создает человека, сколько разум, возможность осознания человеком своих потребностей и путей, способов, если угодно, технологий их удовлетворения, создает новые осознания, формируя их не только как таковые, но и самого человека, как их носителя, увеличивая, как в Талмуде, силу разума, как сосуда знаний. Таким образом, я бы сказал, что разум создает человека, и даже более того, извините, разум создает и совершенствует разум. Я не раз это говорил – разум создает разум. У нашего современника, профессора Кондрашова из Уральского

университета, д.ф.н., в одной из его работ я вычитал такую вещь: «генезис человека – это самопорождение, самосозидание человека в процессе труда». Я бы, в связи с изложенным, сказал несколько шире и, сорри, точнее: генезис человеческого общества, человеческой цивилизации – это самопорождение разума, знания в процессе разумной осознанной деятельности человека. Здесь, я думаю, определенное соединение философских законов отражения и отрицания отрицания. Помните, в «Святом семействе» классики вывели замечательную мысль ко всем нашим сегодняшним диспутам, что истории как таковой нет, что все, что сделано, – сделано человеком, что она – не что иное, я просто цитирую, как деятельность преследующего свои цели человека.

Я бы сказал – цель, интерес, – в чем? В удовлетворении своих потребностей. Но ведь животные тоже живут! Они тоже удовлетворяют свои потребности! Но! Однако только человек для удовлетворения своих потребностей и средств достижения цели осознанно производит, создает, творит. И это не просто деятельность человека, а деятельность человека производящего, разумная деятельность. Но, кстати, это заметили также когда-то Маркс и Энгельс, классики, которые прекрасно это все описали. Посему законы зоомира неправильно продолжать экстраполировать на человеческий социум, что сегодня, собственно, в основном в значительной мере происходит в экономике. Именно поэтому законы "зоо" шаг за шагом дополняются с развитием человеческой цивилизации законами "ноо". Я бы сказал так, что накопление изменений в представлении человека о своих потребностях, изменений развития способов удовлетворения потребностей, в том числе в сфере духовной, постепенно могут привести к качественному изменению вообще всей структуры этих самых потребностей и, соответственно, отношений, которые формируют возможности удовлетворения этих потребностей.

Собственно, поэтому в историческом аспекте на определенной стадии развития наша цивилизация, социум, вступает в различные фазы общественного производства – первобытное, ремесленное, мануфактурное, индустриальное, новое индустриальное и далее нооиндустриальное, которое качественно отличается, каждое из них, друг от друга тем, что присуще было на предыдущем этапе. Я бы сказал так, что они не сводятся, эти

потребности, к индивидуальным и частным потребностям и интересам. Это присутствующий здесь Р.С. Гринберг с коллегой Рубинштейном справедливо в своей книге о социодинамике прописал, в концепции социодинамики. И, собственно говоря, требующей, заметим, тоже траты ресурсов, затрат на человеческий капитал, модернизацию институтов и т.п. Но вернемся к основной теме. Итак, ноосферное производство преимущественно будет выступать как производство самого человека. Это – одна из характеристик, качеств этого ноосферного производства, а не столько для производства условий для существования человека. Более того, само обеспечение материальных условий существования перестанет быть непосредственным делом рук человеческих.

Осуществляется вот на этой основе тот прогноз, который Маркс давал в свое время, о вытеснении человека из материального производства. Человек и сфера его существования будут воздействовать на эту сферу, отделенную от человека, человека от материального производства, но, образно говоря, приложением не рук своих, а силой своего знания. Собственно, соответственно этому, еще раз подчеркну – изменится и структура потребностей человека. Преобладающее значение будут иметь потребности в саморазвитии, потребности духовного плана, потребности в общении, там, признания обществом. Я затрудняюсь сказать, как будут далее развиваться потребности, но тем не менее – в таком ключе они будут двигаться, в этом направлении. Именно эти потребности будут регулировать характер, собственно говоря, применяемых технологий, производимых продуктов и организации производства в сфере удовлетворения материальных потребностей человека и формировать на них, так сказать, техническое задание. Можно сказать, эти сдвиги в структуре потребностей будут определяться чем? – прогрессом человеческой культуры, как это ни покажется странным.

Я неоднократно говорил, что именно культура может стать тем ограничителем, границей, куда можно "ходить", а куда "ходить" не стоит. И развитие человека в этом направлении как раз сдвигает эти самые границы, и, соответственно, мы начинаем это понимать, и это очень важный момент для перехода к новому пониманию этих процессов. Понимать – что же можно делать, как говорится, а что – нельзя. Знаете, у нас есть такой интеллектуал, много раз видели по

TV, – Иван Охлобыстин, священник, одновременно актер. Недавно я читал его интервью, он мимоходом сказал, но, на мой взгляд, достаточно глубоко. Он сказал такую вещь: Бог создал нас по образу и подобию своему, в нас 1000 талантов. Нужно развиваться во всех. Сотни технологий, он сказал, – за ними реальное будущее. Рано или поздно при этом технологии у нас отберут все. Останутся только писатель-творец и его компьютер-инструмент. Я всегда считал, что главная ценность для человека – это время. Знаете, чем эффективнее, знаниеемко этот ресурс используешь, чем выше производительность труда, отдача, как говорят. И чем быстрее сделаешь необходимую работу, тем больше останется того – чего? – свободного времени. Свободного для чего? Да вот как раз для реализации своих нематериальных в основном мечтаний, духовных, иначе говоря, потребностей. Вспомним еще раз Маркса. Вот уж действительно был мудрый человек! Знаете, я когда студентом кое-что почитал из Маркса, подумал: до чего мудрый человек, его мысли с моими совпадают в какой-то части (смеется). Да, молодости свойственно… Так вот, я могу сказать, если вспомнить Маркса, он говорил, что самое ценное – это свободное время, т.е. та самая жизнь человека, которая стоит по ту сторону материального производства. Человек, сознавая эту свою внутреннюю потребность увеличения доли свободного времени, цивилизационным способом ищет путь, я бы сказал, знания – механизм удовлетворения этой потребности. И, как это было всегда, почти в полной мере, на мой взгляд, его найдет и все более к этому приближается. Поэтому постоянно, на всем протяжении развития человеческой цивилизации возрастают духовные потребности общества, духовные потребности людей. Поэтому переход к нооиндустриальному обществу, почти по Марксу, неизбежен.

Но, коллеги – почти. Вот это «почти» как раз и есть точка бифуркации. Почти – если наш разум направит нас на новый путь развития, сумеет переломить ситуацию в нынешней глобальной борьбе зоотенденций и нооростков в пользу последних.

Тезис о возвышении культуры как сферы, обеспечивающей решение этой ключевой задачи нооразвития, хотелось бы еще раз прокомментировать специально.

Поскольку именно культура, ее потребности позволят нам сформировать именно знание, ценности, которые составят каркас,

критериальную базу нообщества. В этом смысле культура, в самом широком смысле этого слова, – это особая часть знаний. Неоднократно упомянутый мною классик, 200-летие которого мы будем в мае отмечать, проводить большой семинар, конференцию, написал, что грядущее человечества – царство свободы – лежит по ту сторону материального производства, показал, что вот оно в пространстве культуры. Этот его тезис был активно развит нынешними, ну, можно сказать, шестидесятниками, нынешними специалистами Эвальдом Ильенковым, Вадимом Межуевым, вот здесь присутствует Людмила Булавка, которая этим всем много лет занимается, думаю, она там сегодня тоже какие-то вещи расскажет по этому поводу, другими коллегами. С некоторыми из них мне удается общаться, и они справедливо замечают, что именно культура есть главная сфера в жизнедеятельности разумного человека и разумного общества – ноосферы. Но, не в укор им будет сказано, как правило, они не продолжают фразу, чем продолжал эту фразу Маркс. Вообще-то он говорил так: расцвести этот мир культуры может только на базе соответствующего высокопроизводительного материального производства. Вот почему, завершая основную часть своего доклада, я хотел бы вернуться к теме, с которой его начал, – к вопросу о важности создания умного производства, ноопроизводства, материального производства следующего этапа, формирующегося на основе той социально-экономической системы, которую в НИО.2 мы назвали новым индустриальным обществом второго поколения. Только на базе этой системы мы можем начать двигаться уже к неэкономическому ноопроизводству, ориентируясь на стратегические цели, но не забывая решать необходимые задачи тактического плана.

О России – несколько слов.

Догонять или опережать?

Мы часто слышим, что нам «надо догнать, нам надо не отстать, успеть вскочить в поезд». Я сам об этом часто, как в известной рекламе о фирме "Триваго", «я часто об этом говорю». Но я могу сказать, что вообще-то, конечно, мы действительно уже опаздываем во многом «вскочить» в этот самый поезд, в НИО.2, и т.д. Но, как говорится, успеть, на мой взгляд, мы можем. И вообще – начать жить своим умом. У нас – огромный потенциал, у нас огромный потенциал знаниевый, у нас огромный потенциал

генетический, еще может «собственных Платонов и быстрых разумом Ньютонов российская земля рождать». И в этом плане – неиссякаемое изобилие российской мысли. И не только мысли, но и действия. Если мы будем правильно понимать ситуацию, это не маниловщина, это действительно мы должны понимать, что нужны некие экстраординарные усилия по достижению уровня НИО.2, серьезная реиндустриализация на качественно новой технологической основе, о чем уже нами сто раз говорено-переговорено, но, тем не менее, одного этого недостаточно. Мы должны работать уже и на опережение. Ноопроизводство надо строить уже сейчас, пусть на очень узком сегменте, но отрабатывать практически то, что непременно станет будущим такой хозяйственной деятельности человеческого развития. Если вспомнить, я уже говорил, нашего Ивана Охлобыстина, он дал такой комментарий по сегодняшним отношениям и роли в мире. Почему я об этом говорю? Потому что если мы хотим достичь достойного положения в этом мире, то надо думать, наверно, и об этих вещах. Вот что сказал Охлобыстин – я фразу приведу: «рыночные отношения – кто богаче, тот и краше. Но нельзя сравнивать миллиардера и художника. Кто из них круче? Не факт, что первый». Я бы подписался под этими слова, но добавил: а в ноообществе – факт, что круче будет второй. И нам надо уже сейчас, сознавая это, эту цель, перенацеливаться соответствующим образом в своих экономических, пока еще экономических, решениях.

Я не буду далее ни развивать, ни обосновывать вышеуказанные тезисы, это – такие комментарии к данному докладу. Слишком много здесь идей, которые надо обсуждать и критиковать, наверно. Не буду останавливаться и на поджидающих нас проблемных вещах, о которых я обычно говорю, но два слова упомяну, что все это не просто автоматически происходит и будет происходить. Будут, я имею в виду цивилизационное развитие в целом, буераки, разные откаты в понимании ситуации и т.д. Это все очень непросто, но придется преодолевать и сопротивление тех, кому это невыгодно и неинтересно.

Ну, и в порядке постановки проблемы анонсирую последующие дискуссии, здесь у нас, в Санкт-Петербурге, Москве, где мы проводим тоже серию мероприятий, ряд новых мероприятий, и в том числе те тезисы, которые я пытался сегодня коротко

обозначить, я попытаюсь развить в более крупном формате в определенной книге, которую мы готовим к изданию. И я приглашаю всех на наш очередной Санкт-Петербургский экономический Конгресс, СПЭК-2018, где мы будем эту книгу представлять и раздавать участникам. Конгресс пройдет у нас 2 апреля. Мы привязываем это дело к МЭФу, Московскому форуму, как мы договорились с его организаторами – приезжают люди со всех стран. Мне не хочется, чтобы они ездили каждую неделю туда-сюда – это тяжело. Поэтому, учитывая, что люди это все "возрастные", как правило, молодых там нет, мы сделаем так – МЭФ, еще ряд московских мероприятий и наш конгресс – мы формируем обычно в одну пачку мероприятий в течение недели. Но как раз наш Конгресс будет посвящен, в том числе, обсуждению ноопроизводства. Спасибо. (Аплодисменты.)

(Бузгалин А.В.: Спасибо, Сергей Дмитриевич. Уважаемые коллеги, мы присутствуем в стенах экономического университета, где говорится о будущем уходе в основание, но не до конца, экономики – такой парадоксальный феномен. И в этом есть что-то знаменательное. Вообще говоря, я просил бы обратить внимание на целый ряд очень жестких принципиальных постановок, которые сейчас прозвучали. Они продолжают большую мировую традицию анализа вот этих качественных сдвигов в технологиях, которые приводят к изменениям всего, – критериям развития, критериям эффективности, потребностей, целей и т.д. Это очень серьезный вопрос, который, мне хотелось бы, чтобы мы сейчас обсудили.

Сергей Дмитриевич, я, единственное, боюсь, что если по этому развернутому докладу мы сразу начнем задавать вопросы…)

Я хочу послушать сразу, что думают коллеги.

(Бузгалин А.В.: Ну давайте мы тогда послушаем выступления, тем более, что в первом ряду среди член-корров РАН уже завязалась отчаянная полемика, и я думаю, будет правильно, если мы сначала услышим все то, о чем говорят наши коллеги в первых рядах нашего семинара. Я думаю, будет правильно, если мы начнем с выступления Р.С. Гринберга. Сейчас я включу секундомер, который будет пикать противно, когда закончатся 10 мин.)

Р.С. Гринберг,
член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики РАН и Института нового индустриального развития им. С.Ю.Витте, д.э.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Уважаемый председатель! Уважаемые дамы и господа! Я с большим интересом прослушал доклад и должен сказать, что С.Д. Бодрунов – такой апостол, что ли, реиндустриализации в стране. И я должен вам сказать, что тезисы о преждевременном провозглашении эры постиндустриализма имеют очень серьезное значение. Более того, близки даже лицам, принимающим решения, насколько мне известно. Другое дело, что инерция иной идеологической традиции слишком велика для того, чтобы переломить ход событий, которые происходят в нашей замечательной стране. Тем более, так случилось, что… Я все время это говорю, что наша великая трансформация, без иронии говорю, наша великая трансформация совпала именно с той модой на Западе, которую принято называть наступлением эры «назад к Смиту», или неолиберализма. Если бы это случилось, т.е. я имею в виду нашу Перестройку и дальнейшую трансформацию, раньше, может, мы по-другому бы относились и к промышленности, и к реиндустриализации. Но случилось так, как случилось, поскольку советники западного мира, который для нас был, как вы помните, светом в окошке, говорили, что вы не повторяйте наших ошибок, не думайте ни о каких там субсидиях, промышленных политиках – это все архаика, и предоставьте свободному рынку решить, что будет, что хорошо, что плохо, поскольку меняются потребности очень быстро, неизвестно, что нужно поддерживать, что не поддерживать, а рынок сам решит. Наши упреки – а как же вот вы сами это делаете – и ответ: это, к сожалению, наша большая ошибка, мы, к сожалению, не можем сейчас отказаться, поскольку там разные профсоюзы, партии и все такое прочее. Это было очень забавно. А мы стали следовать этой концепции естественных конкурентных преимуществ, в соответствии с которой, что у вас хорошо получается – пенька, газ, нефть, дерево – вы все это и продавайте. А все остальное мы завезем. Вот это настоящее разделение труда

мировое. Мы стали жертвой этого, и очень трудно отказаться. Сегодняшняя мантра по поводу импортозамещения – она объявлена по всему фронту, и поэтому не имеет особого смысла, поскольку всем сестрам по серьгам – для того, чтобы стабильность социальная сохранялась. Это в общем-то не ведет к изменению в чем-то. Но я хотел о другом сказать, более теоретическом, хотя уже 5 мин. прошло.

Я, в отличие от Сергея Дмитриевича, не очень оптимистично смотрю на новые потребности там духовные, разумные и все такое прочее. Я думаю, что…

(**Бузгалин А.В.**: Руслан Семенович, Вы не правы. Это те потребности, которые у Вас лично преобладают, я в этом уверен.)

Я, в подавляющем… Да ладно! Я хочу сказать, что я в подавляющем меньшинстве, но это за Ваше время!

Так вот, я хочу сказать, что мы живем в самое опасное время для нашего поколения. И может в любой момент, в любую секунду произойти все что хочешь. Все что хочешь, буквально. Другое дело, что просто россияне привыкли к такой жизни экстремальной. Когда-то один придумал: россияне все время ждут конца света, но никогда серьезно не относятся к этому. И это, наверное, самая правильная тактика жизни в наше время. Мы видим, что научно-технический прогресс ускорился с сумасшедшими темпами. Мы не можем себе даже представить, что через 10 лет будет, если там некоторое время тому назад извозчики исчезли. Куда-то они делись все? А считалось, что будет безработица, когда пересели на машины люди. А потом машинистки куда-то пропали тоже. А вот считается, что через 10 лет водители куда-то должны деться. А что с ними будет? Куда они пойдут? Это ведь очень интересная проблема. Но дело же не только в этом. А дело в том, что – я просто хочу подчеркнуть и перейти ко второму пункту – что существуют большие ножницы и большое противоречие между научно-техническим прогрессом, между тем, что Сергей Дмитриевич говорил – наукоемкое производство резко пошло вверх, но, к сожалению, не у нас, а у нас все больше риторики, но это действительно так. Но морально-этически – нет, прогресс, по-моему, достаточно сильно пошел в регресс. Мы впервые наблюдаем возвращение геополитики в самом отвратительном виде. Причем, в отличие от социалистической и капиталистической конфронтации в 20-м веке, сегодня нет никаких

правил. Нет никакого доверия друг к другу. И отчуждение уже не между начальством американским и советским, а между народами оно сильное. И та русофобия, которая сегодня сложилась, не будем тут разбираться, по какой причине – она просто беспрецедентна. Вот мне рассказывают люди, которые в Давосе находятся, – просто разговаривать не хочет никто с русскими. До того дошло дело. Но это не говорит о том, что они ангелы. Это та же самая история, везде мы ее наблюдаем, то, что Сергей Дмитриевич сказал – зоо! Вот это зоо – оно никуда не делось, оно и не уступает место никакому ноо. Оно, наоборот, царствует везде. То, что Барак Обама назвал «эпоха распространения культуры безответственности», она очень сильно распространена. И даже тот факт, что такой, как Трамп, победил в Америке и демонстративно вышел из климатического соглашения. Это ужасающая история, просто ужасающая история. Ну и, конечно, поэтому я не могу согласиться, что есть какие-то подвижки наоборот.

Теперь второе. Оптимизм. А что оптимизм-то? Мы не становимся альтруистами, мы по-прежнему сильные эгоисты и безответственные. Теперь какой оптимизм? Значит, роботы и роботизация – хорошо, будет развиваться, но.... Мне кажется, будут большие перспективы оптимистические. По крайней мере, в развитом мире, если даже безработица временно будет сильно увеличиваться, а это, скорее всего, так и произойдет, то здесь вот на помощь приходит так называемый базовый безусловный доход. Это очень серьезная история, не просто так. Вот сейчас в Финляндии, в Швейцарии тестируют это дело, и мне кажется, это поразительная вещь. Мы не можем сказать, что человек превратится в альтруиста. Но мы можем сказать, что если он занят трудом, который он любит, он точно будет высокодуховным и моральным. Не обязательно все. Но это очень важно, что если вы родились и сразу получаете 2 тыс. евро в месяц и ни о чем не думаете, у вас ни пенсии, ничего, а дальше – хотите – работайте, хотите – не работайте. Многие говорят, для человека – это будет негативная мотивация, что он не будет работать. Ну, я не знаю людей, которые не хотят работать. Это все ерунда, нельзя долго ничего не делать. Хотя Сорокин что-то кивает не так, но есть разные здесь подходы.

Это второе.

Третье – что все-таки может подвигнуть к разумному поведению? Ну, во-первых, конечно, общая беда. Вот общая беда – это потепление климата. Но это никто не чувствует, в России особенно. Я помню, опросы были совсем недавно в ФРГ и в России – как вы относитесь к потеплению климата? Немцы, чемпионы мира по всему, отличники настоящие. Там они 70% обеспокоены, 20 – не знают, 10 там что... А в России 70% за потепление, любим тепло. И это очень интересно. Потому что мы любим тепло. Я хочу сказать, что это не может служить хоть каким-то средством солидарности людей. Но, наверно, пока гром не грянет, никто не перекрестится, не только Иван там – любой Джон, немец, француз и все. Похоже, что ничего здесь не получится. Но я думаю, есть только две вещи, которые ограничивают зоопотребности или их доминирование, о чем говорил Сергей Дмитриевич, это, конечно, как бы банально ни звучало, – сдержки и противовесы политической системы конкурентной, сменяемость власти. Только это может каким-то образом ограничивать своеволие неразумного человека. Поскольку ничего умнее не придумано, власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно.

И последнее – о факторе времени, о котором говорил Сергей Дмитриевич. Это очень важный фактор. Я думаю, это фальшивая дилемма – говорить о том, чтобы догонять или перегонять Запад. Здесь уже не до этого. Здесь надо просто жить своим умом. Хочу подчеркнуть, это очень важно, что в России мы в тяжелом положении в этом смысле. Потому что у нас двойная архаика – в политике добрый царь, в экономике установка на всемогущество сил рынка сохраняется, несмотря на другую риторику.

Спасибо большое. Как сказал мой один польский друг: положение у вас хорошее, но не безнадежное. (Аплодисменты.)

(Бузгалин А.В.: Спасибо Руслану Семеновичу за оптимизм и за последнюю фразу в особенности, но я хотел бы подчеркнуть: его взгляд на доклад по некоторым пунктам принципиально интересный. Это – вопрос политических аспектов перехода от зоо к ноо, вопрос наличия консервативного тренда оппозиции. Ну и, пожалуй, самый главный момент, который я тоже очень бы поддержал в докладе, – это вопрос о радости в труде, потребности, творчества, содержания труда как того, что может и должно двигать вперед главный переход. Поэтому, мне кажется, у нас такой очень

интересный диалог завязывается. Я думаю, нам многое скажет Д.Е. Сорокин, тоже член-корр РАН, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ. Да, кстати, я Руслана Семеновича не представил – научный руководитель Института экономики РАН и Института нового индустриального развития, главный редактор «Мира перемен» и далее, далее...)

(**Бодрунов С.Д.**: Руслана Семеновича знают все, тем более – он у нас на семинаре постоянно выступает.)

Д.Е. Сорокин,
член-корреспондент РАН, научный руководитель
Финансового университета при Правительстве РФ,
научный руководитель Московского отделения
Института нового индустриального развития
им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Спасибо, коллеги. Вообще очень часто мы обсуждаем эти проблемы, связанные с качественными сдвигами в сфере нашего производства, ноо, 4-я революция и пр. Я вот только сейчас сидел и думал – только на этой неделе третий раз, у нас там что было – два раза в университете, еще конференция сейчас здесь. Интересные, конечно, проблемы сейчас происходят, то, что происходит с человеком, – это тоже интересно, хотя я все-таки надеюсь, мы не будем забывать и о биологической сущности человека, совсем его уж квантовать не надо. Вот у меня к Марксу, многосторонний конечно он был – развитие личности, в духовности, но он не только об этом говорил. У меня в кабинете, коллеги знают, изречение Маркса, я его поставил в 1987 г. первый раз. В 87 начали с алкоголизмом бороться? Я тогда и поставил. Это том 31, стр. 50. «Полагаю, – писал Маркс, …

(Бузгалин А.В.: Видите, как цитировать Маркса надо!)

Да. Ну классическое – «полагаю, писал Маркс, что человек, который не любит вина, никогда не будет годен в жизни на что-нибудь путное». Кто эксперт, можете проверить...

(Бузгалин А.В.: Я предлагаю эту тему важную свернуть.)

Сворачиваем. А теперь дальше. Я так понимаю, что вообще у нас здесь действительно вот все эти определения – ноо там, 4-й, индустриальный, постиндустриальный и пр., они отражают известную довольно вещь, о которой говорил и Маркс, когда знания превращаются непосредственно в эту производительность, и которые повторяли уже в середине прошлого века, правда, ничуть не ссылаясь на Маркса, но повторяли, мы любим Кузнеца цитировать, а до него был Маркс. Но Бог с ними, это все правильно. Вот я только хочу сказать о точности использования все-таки терминов. Я полностью разделяю авторский тезис о том, что категория

постиндустриальная, о которой часто говорят у нас в Институте экономики, еще при Абалкине говорили, она не отражает существа дела, когда мы говорим о новом этапе развития производительных сил, выражаясь «старым» языком. Потому что индустрия действительно никуда не делась. Если я скажу, сколько металлорежущих станков у нас выпускается и сколько в Японии в год, ну – тогда еще кто из нас постиндустриальный или неоиндустриальный? Она просто обретает действительно новый технологический облик, тут я с автором согласен. Поэтому его попытка дать новые определения, там, скажем, новое индустриальное 2, она в общем оправдана. Потому что действительно этот уход от понятия постиндустриального, иначе не отражает существа дела.

Но я хотел бы на что обратить внимание. О терминах. Я не могу принять, мое политэкономическое ухо не может принять такие категории, как…пускай постиндустриальное, пускай технотронное, пускай информационное, пускай вот нооиндустриальное – с добавление слова «общество» или «экономика». Потому что та же экономика все-таки есть…понимаете, все эти определения отражают то или иное качественное состояние производительных сил. Производительных сил! А экономика – это производительные силы и производственные отношения, их единство. И когда вы говорите – постиндустриальное, информационное и пр. – вы ничего не говорите об экономической системе, в которой эта технологическая база осуществляется. Уж тем более общество, куда добавляются все системы общественных отношений. Поэтому я бы сказал так, что в общем-то автор и говорит об этом и сейчас, и в тезисах, которые были, он говорит об этом, что вот этот нынешний качественный сдвиг неизбежно ведет к изменению системы экономических отношений, ведет к изменению системы общественных отношений. И это даже не теория, это реальность. Мы видим – те страны, которые можно отнести к тому, что мы сейчас скажем, в категориях автора – к нооиндустриальному состоянию производительных сил, они по классическим политэкономическим критериям уже не проходят безоговорочно как классическое капиталистическое общество. По классическим политэкономическим критериям – ну не проходят. Поэтому я еще раз говорю, я не готов, мне не нравятся эти

определения. Как у нас там в институте в свое время говорили – полифоническое, смешанное общество… вот когда мы говорим рабовладельческое общество – нам все понятно – и система производственных сил и производственных отношений, система политическая. Когда мы говорим феодальное, когда мы говорим капиталистическое… да, конечно, какие-то нужны. Но говорить постиндустриальное… ну производительные силы – да, … я говорю как политэконом, я политэконом. Вот это важно.

И в этой связи я хотел бы обратить внимание только на три момента.

Первое. Если происходит новый этап производительных сил, развитие порождает новую систему, он неизбежно порождает, и я согласен тут с автором, новую систему экономических отношений, а они порождают то, что называется новой системой организационно-экономической … помните, – экономическая, организационно-экономическая… тому ли мы учим наших студентов? Мы учим курсам макроэкономики, микроэкономики, отраслевой экономики, которая на той системе производительных сил возникла. Не готовим ли мы людей, которые должны работать в завтрашней экономике, к экономике вчерашнего дня, в каком-то смысле? Может быть, тогда нужно новое описание, новая экономическая теория, которая не исходит из постулата экономического человека. Вот я об этом. Это первое.

Второй момент прикладной. Тут еще говорилось о недооцененности. Коллеги, а проблема еще состоит в том, как бы не отстать от этого тренда, обозначившегося в качестве производительных сил. Я напомню, декабрь 2008 г., Общее собрание РАН, посвященное перспективам научно-технологического развития России. Докладывается итог исследования, которое было профинансировано, – спасибо, вот польза от госкорпораций есть, госкорпорация «Росатом» профинансировала. И делается вывод. И никем на этом общем собрании в декабре 2008 г. он не был оспорен. Я цитирую доклад, он был опубликован: российская экономика в основном находится в 4–м технологическом укладе с элементами 5-го, в то время как страны-лидеры современного индустриального мира находятся в 5-м с элементами 6-го. После этого кризис 2009 года, нынешний кризис 15-16-го года. Что-то изменилось в лучшую сторону? Это официальная статистика. Вот инновации, которые

технологические. В 2000-м году программа Грефа, помните? Помните. Что было сказано? Цитирую: в 2007-10 г. страна переходит на инновационные типы экономического роста. Так – в 2010 году столько же, сколько в 2000-м, когда принималась. В 2016-м – видите, это официальная статистика. Вот госпрограмма. Ну что, мы выполнили госпрограмму? Проблема фактора времени. Я не знаю как, но это прикладная задача. Вообще, экономическая наука должна отвечать – как решать эту задачу.

Ну и наконец, последнее. Автор абсолютно, на мой взгляд, прав, что эти нынешние производительные силы требуют и новой парадигмы экономического мышления. Совершенно верно! И он не случайно, наверно, пытается использовать слово «ноо», вспоминает Вернадского. Вот я взял цитату, вы тоже его употребили, Сергей Дмитриевич, «человек становится геологической силой», т.е. он начинает обладать мощностями, сопоставимыми с мощностями природы. Как он распорядится этим? Вообще, до сих пор распоряжались плохо, да? Это когда еще эти мощности не были сопоставимы с мощностями природы, знаете, помним. Для этого нужно, действительно, новое мышление. А как оно закладывается? Ну здесь мы с вами имеем представление, я еще со студентами имею дело. И знаю, что такое учебный процесс – госстандарты, требования работодателей, технические… заканчиваю. Вот мы отмечали в прошлом году 50-летие Гэлбрейта. Как сегодня наше образование отвечает на этот вопрос с точки зрения формирования вот этой новой парадигмы мышления? У нас только что состоялась зимняя школа в Финансовом университете в этот понедельник, посвященная проблемам преподавателей в условиях вот этой цифровизации и пр. Вот что сказал наш ректор. Во-первых, он наблюдает… он говорил это в присутствии чиновников из Минобразования: мы считаем, что сейчас происходит сокращение внимания государства, во-первых, к проблемам образования. Во-вторых, превалирующим стало мнение, что образование есть частное, а не общественное благо. Что не нужны теоретические знания, а все-таки я исхожу из того, что задачи университета – это то, о чем говорил Гэлбрейт: это не столько профессиональное, сколько готовить людей к окружающему миру. Наши госстандарты этому сегодня отвечают? Что делать-то, коллеги? Спасибо. (Аплодисменты.)

(**Бузгалин А.В.**: Спасибо, Дмитрий Евгеньевич. Я думаю, это было политически правильно – провести линию от Маркса к Энгельсу, Вернадскому и ректору Финансового университета, тем более. Ну, я же всегда вредный, Дима, ты знаешь. Ну на самом деле постановка вопроса о фундаментальных преобразованиях, формировании человека, а не просто натаскивании на определенный набор квалификаций – это фундаментальная, извините за повтор, проблема, надо возвращаться к ней регулярно. Я очень рад, что сегодня здесь с нами Елена Борисовна Ленчук, директор Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор и одна из тех ученых, кто ведет диалог с ИНИРом на тему о новой индустриализации, новых технологиях и т.д. уже не первый месяц и даже не первый год. Пока Елена Борисовна готовит свою презентацию, я хотел бы подчеркнуть, что вообще идея Д.Е. Сорокина о том, что новые производственные отношения, у нас тут с тобой политэкономический язык, предполагают формирование нового человека, новых потребностей, новых ценностей – этот момент, отраженный и в докладе, надо сейчас еще и еще раз обдумать, потому что здесь происходят, действительно, качественные изменения. Для С.Д. Бодрунова – человек как результат новых экономических отношений – это первостепенно важно. Пожалуйста, Елена Борисовна.)

Е.Б. Ленчук,
директор Института экономики РАН, д.э.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Спасибо большое.

Очень мне понравился доклад Сергея Дмитриевича, и я попробую какие-то вещи продолжить, поскольку сегодня заявлена тема – влияние этих вот технологий, новых технологий на материальное производство. Я хочу остановиться на технологическом факторе и ответить, ну – не ответить, а поставить, наверно, вопрос – может ли Россия ответить на эти технологические вызовы.

Действительно, если посмотреть, сегодня мир стоит перед такими глобальными проблемами, как старение населения, экологические проблемы, исчерпание ресурсов, и, конечно, ответить на них можно, только используя современные технологии. Сегодня происходит динамично развивающаяся технологическая революция, как раз она создает такой потенциал для ответа на эти вызовы. Но вот эти новые технологии, они в общем меняют индустриальный ландшафт нашего общества, нашего производства, и поэтому это тоже очень важный момент, и на него стоит взглянуть. Конечно, тут технологии не просто технологии, и речь идет о конвергентных технологиях и по интеграции био-, цифры, икт-технологии. И они определенными свойствами обладают, которые формируют интеллектуальное ядро высокотехнологичного комплекса, и в принципе они в общем-то меняют даже экономическую систему. Вообще, если взять последние сборники организации Международного экономического развития и сотрудничества, там выделяется 40 таких ведущих технологий, вот здесь они у меня показаны. Но из них только 10, которые в общем-то наиболее значимые для технологий будущего, для решения задач следующего этапа, о которых сегодня говорил Сергей Дмитриевич. Это технологии, связанные с индустрией 4.0, аддитивные технологии, робототехника. Я не буду их перечислять, все вы о них знаете. Самое главное, что они позволяют создать такие возможности по улучшению производительности труда, сокращению издержек,

формируют новые рынки, в общем-то изменяют, перестраивают систему разделения труда, формируют требования к новому качеству трудовых ресурсов и т.д.

Но самое интересное, если взглянуть на них, то они вообще-то связаны с тем, что под их воздействием меняется сам процесс производства. Вот здесь у меня, на табличке, я попробовала посмотреть, как меняется производство в 21-м веке. Меняется и на этапе создания продукта с возможностью использования технологий больших данных искусственный интеллект, меняется и с использованием сырья и материалов. Сам процесс производства, он становится в общем иным, если раньше мы детали собирали, какие-то изделия, то теперь процесс становится непрерывным, и т.д.

Я хочу сказать, что вот эти технологии, они, конечно, формируют новые рынки, и эти рынки перспективные. По некоторым оценкам, в 25 г. эти рынки будут достигать 10 трлн долл., эффект от использования этих технологий будет достигать до 10 трлн долл. Вот эти технологии, их обычно связывают, если говорить, с материальным производством, их называют еще передовые производственные технологии. Надо сказать, что если посмотреть на опыт западных стран, сегодня они очень активно разрабатывают государственную политику, формируют вот в области разработки и использования этих технологий. Но, к сожалению, сегодня нет времени об этом говорить.

Интересно посмотреть – а что, где Россия? Можем ли мы тут что противопоставить?

Я хочу показать эту таблицу, потому что времени мало: сравнительная характеристика места России по некоторым показателям технологической революции. Здесь вот наглядно видно, что Россия отстает по многим показателям от западных стран – и по показателям высокотехнологичного экспорта, и по производительности труда, и по показателям инновационной деятельности, патентам. Два последних – это показатели, связанные с цифровой экономикой. Ясно, что здесь без каких-то серьезных решений мы продвинуться не можем. Как раз вот здесь вот возникает развилка – а сможем мы, действительно, перейти на следующий технологический уклад, освоить? И самое главное, что этот технологический уклад наибольший эффект дает от использования вот именно этих новых технологий именно в материальном производстве.

Вот для того, чтобы нам сформировать новый индустриальный ландшафт, тут, к сожалению, нет возможности все рассказать, мы в разработке этих технологий тоже отстаем, в общем-то нужно решить несколько принципиально важных вопросов.

Прежде всего, конечно, мы должны определиться, какую экономику мы строим. В условиях, когда у нас затягивается вопрос с разработкой стратегии, в общем-то наша экономика не работает на развитие. Поэтому эти все принципиальные вопросы откладываются на далекую перспективу, можно так сказать. Прежде всего, конечно, вопрос следующий. Для того чтобы нам сформировать стратегию и решать эти проблемы, надо в рамках документов стратегического планирования чтобы это было последовательное решение и ставились задачи на государственном уровне. Должны быть как раз определены базовые ключевые технологии, которые нам нужны, на которых должно базироваться вот это производство. На Западе это, я хочу еще раз повторить, идет как новая индустриализация, использование этих технологий. И в общем-то Россия должна тоже ориентироваться, в моем понимании, не на реиндустриализацию как восстановление, а на новую индустриализацию, использовать именно вот эти технологии даже в традиционных отраслях, где перестраивают, используя самые передовые технологии. Конечно, нужно сформировать и действующую инновационную систему. И здесь мы много-много лет говорим о том, по крайней мере два десятилетия, что мы должны это сделать. У нас ничего не получается. Корень проблемы, как мне видится, лежит в том, что мы фактически оторвали ее от промышленной политики. Инновационная политика и национальная инновационная система не могут существовать, если мы теряем свою промышленность. Поэтому прежде всего, для того чтобы она заработала, нам нужно возродить свою промышленность и особенно технологически емкие отрасли, которые предъявляют основной спрос на инновации. Конечно, нужны инвестиции. И здесь нужно активизировать, прежде всего, институты развития, финансовые институты развития, которые сегодня зачастую кладут деньги на депозит, вместо того, чтобы вкладывать в развитие перспективных производств. И, конечно, нужно активизировать бизнес, потому что, используя механизмы государственно-частного партнерства, прежде всего для того, чтобы решать эти проблемы.

И последнее – очень важно, чтобы были соответствующие кадры. Безусловно, сегодня меняются профессии, меняются специальности, и многие говорят, и сегодня очень много мы слышим о том, что к 25 г. там 50-60 профессий отомрет уже. Здесь, мне кажется, очень важно готовить таких людей творческих и новаторов и прежде всего повышать значение инженерных специальностей. Потому что – технологический фактор: вот для того, чтобы продвигаться в этом направлении, надо иметь свою высококвалифицированную технократию, и именно у нас как раз в органах власти, как мне кажется, не хватает именно технократии для того, чтобы не с позиции эффективных менеджеров все время подходить к решению проблем, а проходить по сути, развивая то или иное, понимая, чего нам нужно добиться в тех или иных отраслях.

Только решая этот комплекс проблем, наверно, мне кажется – это такой общий контур, безусловно, – можно как-то ставить вопросы о том, чтобы нам сократить разрыв в технологическом развитии, который существует сегодня между Россией и западными странами. Последнее, что хочу сказать, – важно сохранить свою науку. К сожалению, мы потеряли прикладную науку, когда мы приватизировали, в годы приватизации и рыночных трансформаций. Сегодня у нас очень остро стоит вопрос сохранения фундаментальной науки, поскольку она реформируется без понимая о том, какую модель науки в России мы вообще строим. И вот эти вопросы, мне кажется, должны тоже подниматься. Потому что как раз основа нового индустриального общества и возможность развития знаниеемкой экономики, ядро ее как раз составляет наука и научное знание. Спасибо, я закончила. (Аплодисменты.)

(Бузгалин А.В.: Спасибо большое, Елена Борисовна. Вы очень справедливо и очень обоснованно подчеркнули необходимость вот этого креативного творчества инновационного работника. Ну и, естественно, этого работника формирует образование, о котором мы еще будем говорить сегодня, в том числе Н.Г. Яковлева будет выступать с сообщением на эту тему. Ну и, естественно, образование органично соединено с наукой и культурой, и вот этот комплекс: образование, наука и культура – с одной стороны, высокотехнологичное производство – с другой стороны – это тема конгрессов, которые под руководством ИНИРа идут уже 4 года подряд в Москве, и одна из ключевых тем СПЭКа.

Поэтому мы, как ни странно, говорим про эти высокие материи, но в ноономике новых духовных потребностей человека это очень приземляет. И это приземление на практических рекомендациях – одна из ключевых задач, которые…

(**Бодрунов С.Д.**: Я бы сказал даже – не приземляет, а практицирует.)

Во как! Ну, извините, такие замечательные слова я не способен произнести… Да, я согласен. Пожалуй, даже в этом смысле возвышение, возвышение к практике. Я рад предоставить слово А.Е. Карлику, доктору экономических наук, профессору, заведующему кафедрой экономики и управления предприятиями и производственными комплексами СПбГЭУ.)

А.Е. Карлик,
заведующий кафедрой экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Уважаемые коллеги! Действительно, мое выступление будет более приземленным. Все-таки ноосфера – это хорошо, но живем мы в современных условиях. Нас ждет реиндустриализация, точнее, мы должны ее сделать, эту реиндустриализацию.

(Бузгалин А.В.: Вот Вы знаете, я все-таки не согласен, в ноосфере тоже живем, что-то у нас ведь тут есть в голове, не могу я не поспорить с Вами.)

Поспорим после того. Во всяком случае, как и любой из выступавших, я должен обязательно процитировать Маркса. И Маркс писал, что «человечество не может перестать производить, так же, как оно не может перестать потреблять». И вот здесь примат реального производства, современного, будущего, но это будет примат, вне сомнения даже. Название моего доклада – «инженерная экономика». Здесь я полностью согласен с Дмитрием Евгеньевичем, что не бывает экономики постиндустриальной, цифровой, инновационной, кстати, и инженерной. Есть экономика. Есть экономика с элементами инновационности или основанная на инновационности. Есть экономика, основанная на цифровых методах. Но экономики цифровой не может быть. Мы уже дискутировали по поводу этого термина у С.Д. Бодрунова, в его телестудии. Но не в этом дело.

Что бы мне хотелось сказать. Прежде всего – почему мы вернулись к промышленности и проблеме кадров? Это то, что в Санкт-Петербурге, в экономике региона, т.е. это – промышленный город, он на этом основан. Пытались сделать его культурной столицей, финансовой, туристической и т.д., но все это – затратные отрасли. Город должен на что-то существовать. И вот, как вы видите, 50% отчислений города в консолидированный бюджет дает промышленность. Занято в промышленности 17%, и т.д. Но вопрос

в том, что вот ту самую реиндустриализацию промышленности Санкт-Петербурга нужно обеспечивать ресурсно – из ничего чего-то не получится. Чтобы купить что-то ненужное, надо продать что-то ненужное в конечном счете. И здесь возникает вопрос именно об обеспечении кадровом. Вот смотрите, что получается. На сегодняшний день 80% всех знаний в физике получены в пределах одного поколения. Что это означает? Что человека обучить какому-то набору практических знаний не в ущерб пониманию проблемы практически невозможно сейчас, и знания студентов, которые обучаются в вузе, во всяком случае в отраслях так называемых прорывных, они устаревают к концу срока обучения.

Еще одна проблема именно в обеспечении реиндустриализации. К сожалению, мы не можем знать быстрых коммерческих эффектов от ре-индустриализации. И вследствие этого нам необходимо предварительно уже обеспечить и финансирование науки, и финансирование образования, отменить менеджерский подход по управлению наукой и образованием, ну и т.д. И вот проблема повышения эффективности российской экономики и промышленного производства, в частности, прежде всего, – это эффективность экономического образования. И в первую очередь – специалистов, обеспечивающих экономическую инфраструктуру реального сектора экономики. К сожалению… не в последние годы, сейчас вроде бы несколько вектор сменился… было очень мало внимания их инженерному образованию и к инженерно-экономическому образованию. Ну понятно, почему это было. Все стремились в бизнес, очень много пошло в финансы и т.д. – т.е. понятно, непрестижность этого образования. Ну и, кроме того, здесь не раз это уже говорилось, но я хочу все-таки повторить, что мы завели конкретную экономику на микро- и макро-экономику, с почтением, я бы сказал, с пиететом относясь к «невидимой руке». Так вот, эта «невидимая рука» давно на Западе страдает артритом, она не может двигаться, эта рука, и вносить какие-то нормальные изменения. Но мы ее взяли. Из того состояния, кого мы готовили, скажем так, я бы охарактеризовал это одной фразой – научить попугая говорить сносно предложения – и перед вами готовый экономист. Вот что в основном мы делали, естественно, пытаясь давать то, что мы давали.

Тем не менее, проблема остается. Потому что экономические аспекты инженерной деятельности до сих пор не на переднем плане. Ну вот нам неоднократно в конце нашей деятельности приходилось сталкиваться в рамках экспертной оценки с инвестиционными инновационными проектами, которые имеют блестящие потребительские свойства. Ну вот это конфетка, а не проект. Но никто не думает об экономических последствиях этого проекта. Если в условиях плановой экономики это все-таки восполнялось подготовкой тогда инженеров-экономистов. Они могли, действительно понимая технологическую сущность новых проектов, давать экономические обоснования и предсказывать экономические результаты. В настоящее время инженеры-экономисты исчезли как таковые, пытаются восстановить это, но пока не получается. Из этого вытекает, что современный инженер не должен сосредоточиваться только на, скажем так, решении проблемы технической задачи, но и вполне понимать экономические последствия. Сама-то концепция не нова – это 30-е годы, это к нам пришло из Германии, мы тогда взяли это действительно и очень хорошо использовали. Но, к сожалению, для современных условий нет адекватного методического обеспечения. Кстати, вчера была президиум Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, на котором выступал кандидат в президенты господин Титов. И там, в частности, о современном образовании было сказано о том, что у нас очень много вообще мы выпускаем народу, где-то учится у нас 4,4 млн у нас в стране, в Санкт-Петербурге где-то 300 тыс., а надо нам это? Если посмотреть реально, то надо. Потому что из этих 4,4 млн, наверно, только 1/10 часть имеет достаточно высокий уровень. Я просто приведу пример по экономическому образованию. Наибольшая, значительная часть вот этих учащихся – это экономисты. А вот спросите на любом предприятии: нужны ли им хорошие экономисты? Мы очень много на кафедре у себя делаем с оборонкой, вот, в частности, Е.А. Ткаченко занимается этим, и мы видим, что те экономисты, которые сейчас работают на этих предприятиях, они только загоняют в гроб нашу оборонку. Если готовить нормальных экономистов, их разбирают за год до окончания. Вот я тоже приведу в пример Е.А. Ткаченко, она тоже будет выступать, по ее магистерской программе – за год стоят в

очереди за каждым магистром предприятия, т.е. нужна хорошая подготовка.

Ну и наконец по инженерной экономике. Это не совсем правильный перевод был того, что делалось за границей, но... Что бы я хотел сказать – нам нужно инженерно-экономическое образование, естественно, поставленное на другую основу. Сейчас мы пытаемся это сделать, я думаю, сделаем в конечном итоге. Ну я, естественно, буду с вами всеми консультироваться. Ну а относительно того, что нас ждет. Вы знаете, есть много мнений, как поступать и т.д. И есть очень хороший анекдот, что врачи долго боролись за жизнь больного, но он выжил. (Аплодисменты.)

(Бузгалин А.В.: Спасибо Александр Евсеевич. Я думаю, мы тоже выживем, несмотря на нашу борьбу. Я благодарю Александра Евсеевича за выступление. Я думаю, его афоризм об артрите «невидимой руки» рынка войдет в анналы экономической науки.)

(Бодрунов С.Д.: Нашего семинара – точно.)

(Бузгалин А.В.: Сейчас – Д.С. Чернейко, доктор экономических наук, председатель Комитета по труду и занятости Санкт-Петербурга.)

Д.С. Чернейко,
председатель Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга, д.э.н.

(Стенограмма выступления)

Добрый день, уважаемые коллеги, я, редкий случай, выступаю без презентации, потому что не до конца сориентировался в том, что вы будете обсуждать. Тема понятная, интересная, заниматься ей приходится каждый день и, тем не менее, я буду говорить о вопросах теории.

Вот когда все цитируют Маркса, самое важное во всех этих цитатах, как про науку, так и непосредственно про производительную силу, заключается в том, что человек из непосредственного процесса производства уходит. И мы с вами живем в то самое время, когда, 4.0, 5.0 – это не суть важно. Но самое главное – идет процесс болезненного выхода человека вот из этого самого процесса деланья. Что это означает на практике? Причем этот процесс идет везде неравномерно. Когда мы говорим – вот, что делать с людьми, они не могут не работать, они хотят работать от души, и вот этот вот безусловный доход ничего не поменяет. Ну, берем такую страну, как Греция. Уровень экономически активного населения в трудоспособном возрасте – 45%, Италия – 50%, Швеция – 82%. И если посмотреть, добавить туда еще статистику безработицы, получается, что в Греции реально работает 30% населения в трудоспособном возрасте, все счастливы и ничего проблемного не происходит. А в Швеции – почти все. У нас очень неравномерная картина – в целом по стране 66%, в Санкт-Петербурге – 73%. Когда начинаешь эти цифры раскладывать, наступает квантовая экономика труда – труд исчезает, работодатель исчезает, количество работников увеличивается, переходов много, рынок труда стагнирует. Главная проблема на рынке труда заключается в том, что все изменилось, кроме одного – подбор персонала, он ровно такой, как в 19-м веке, – ручной. Никто его не автоматизировал. Ни HH, ни SuperJob, вообще никто. Хотя этой проблемой мы сейчас занимаемся.

Трансформация будет очень болезненной, потому что никто не знает политэкономическую суть происходящего. Хотя она предельно проста: если человека в процессе производства нет, то различия между людьми будут основаны опять же на их психофизиологических различиях. То есть мы приходим в эпоху того, что раньше называлось словом «коммунизм». Я в принципе об этом студентам рассказывал лет 30 тому назад – как меняется место человека в процессе производства, соответственно, общественные отношения.

Что происходит? Есть ли место человеку в будущем? Такая интересная постановка, если хотите. Если идти линейно – машины заменяют человека, чип все вытесняет, делать человеку становится нечего, и мы думаем – куда же всех деть. Если взять, допустим, у нас метрополитен – 16 тыс. человек. Применяем нормальные технологии, которые уже все есть, – ну, может, тысячи человек будет достаточно, чтобы все работало ровно так же, как сегодня, даже еще лучше. А куда деть остальных? Так вот на самом деле такой альтернативы не существует. И если мы приводим примеры древности: вот был извозчик, сейчас появился автомобиль, – это не то. Не забываем, что человек уходит из процесса производства. А куда он приходит? И на самом деле самая главная тема сегодня – это тема образования, образования нового человека. Как его можно образовывать? Совершенно по-другому. Я вот в разных аудиториях делаю такое смелое заявление, что институт профессии как таковой в течение ближайших 15 лет исчезнет. Поэтому то, что мы сегодня называем профессиональной ориентацией, профессиональным образованием, – это уже слова прошлого. Скорее всего, мы перейдем на формат компетенций, набора компетенций, постоянно меняющихся. Суперпроблема перед образованием: сегодня мы выпускаем человека на рынок труда и вообще в жизнь, потому что рынок труда – это тоже исчезающая категория, так же, как и труд. Мы выпускаем человека в жизнь примерно на 50 лет какой-то активности, прикиньте. И мы должны ему дать такую базовую платформу, чтобы он мог на нее эти новые компетенции добавлять, и эти институты тоже надо создать, которые рождают и добавляют компетенции опережающим образом, чтобы эти 50 лет он мог как-то функционировать. Необязательно получая доход, это уже другая история.

И вот здесь тоже интересно, каково место нашей станы в мире, что мы будем делать, есть ли у нас место в будущем и мировом разделении труда. Действительно, проблема – оценивать сегодняшнее положение. Но, как нас учат великие ученые, вот есть колейность развития. Ни одна страна, которая занимала ведущее место в соответствующей научно-технической и промышленной революции, не была лидером на следующем этапе. В этом смысле нам повезло – мы не были лидером последней научно-технической революции. Так вот, главное, что сейчас происходит, надо научиться формировать новый человеческий капитал любой ценой. Потому что сегодня деньги идут к человеческому капиталу, а не наоборот. И, грубо говоря, смысл бизнеса – это производство нового человеческого капитала. Это очень сложно. Это практически никто не умеет делать, но это то, чему надо сейчас учиться. И ровно поэтому речь должна идти не просто об абстрактных университетах НТИ 2030, на которые заряжены очень большие деньги, а выстраивать там очень интересные рациональные треки по поддержке всего передового. Потому что в принципе государство и должно быть заказчиком любых инноваций. Вот сейчас такая площадка в Санкт-Петербурге создается, конкретный адрес есть: Медиков, 3, Точка кипения АСИшная. Вот сейчас конкретно там примерно по 10 направлениям эти новые подходы формирования нового человеческого капитала под совершенно новый прорывной бизнес и делают. Если вы знаете, 7 ноября прошлого года, как раз в день 100-летия Великой октябрьской социалистической революции, которая, по сути, явилась самым серьезным событием за последние тысячу лет человеческой истории, была продекларирована такая новая платформа университета НТИ, пилотный проект будет в СПб. Приглашаю всех к этому присоединиться.

И еще аспект. С 1-3 марта этого года на площадке Экспофорума наш город и Санкт-Петербургский университет проводит уже второй международный форум труда. На нем планируется проведение конференции Всемирной ассоциации служб занятности, т.е. реально будут все страны мира, в том числе Австралия, единственная страна, где нет государственной службы занятости, тоже интересно. Будут выступать, рассказывать, ну и еще целый ряд мероприятий, об этом в интернете написано, материалы все есть. Руководитель, по крайней мере, ВЭО дал добро там то ли

выступить, то ли проспонсировать какое-то мероприятие – вэлком. Ну, кто предполагается к участию, будет видно чуть ближе к завершению, но, тем не менее, открытие мероприятия где-то в 9:30 первого числа. Молодежная часть начинается 28 февраля на Михайловской даче в большом университете. Так что всех приглашаю. Если есть вопросы – я готов на них ответить.

(**Бузгалин А.В.**: Хорошо. Вот на этой оптимистической ноте я вынужден прервать Дмитрия Сергеевича. Я клятвенно обещал, что профессор Бодрунов получит целых 4 минуты, прежде, чем он побежит на самолет. Сергей Дмитриевич, пожалуйста, Вам слово.)

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, д.э.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Спасибо. Уважаемые коллеги, хорошо, что Бузгалин ведет, а не Бодрунов, правда? У меня более благородная роль, спокойная, я добрый человек, а вот сидит рядом злой Бузгалин и всех останавливает.

Уважаемые коллеги, я приятно потрясен тем, что такие уважаемые люди послушали мой доклад. Уровень семинара очень высокий с точки зрения того, насколько содержательны выступления сегодняшних участников. Мы обменивались с Александром Владимировичем мнениями. Наше понимание ситуации такое, что очень хороший высокий уровень не просто только участников, а именно – и содержательной части выступлений, это очень важно. Но я хотел бы, не комментируя все, некоторую общую тенденцию назвать, которая, как мне кажется, прозвучала. Она – то, что сегодня в репликах было, – о приземленности. О том, что необходимо несколько заземлять наши мечтания. Я хотел бы сказать, друзья, наверно, не то, что – это абсолютно правильно и, наверно, надо говорить и о хлебе насущном и о том, как этот хлеб добывать сейчас. Но, уважаемые друзья, я хотел бы напомнить о той дороге, по которой надо бы идти, и хотя бы о тех промежуточных целях, которые надо бы, по идее, достигать. Поэтому пафос, именно – пафос, моего выступления был в том, чтобы напомнить: мы вообще-то люди, мы должны думать о том, как наше общество будет выглядеть дальше, как к этому идти. Думаю, что в этой части трудно поспорить, что это надо обсуждать. Другое дело, помните советский анекдот, что впереди коммунизм, а жители холодные и голодные, на что Леонид Ильич отвечал: а по пути кормить никто не обещал. Так что здесь действительно абсолютно правильно, что коллеги говорят о более практической стороне дела, и это мне показалось важным. Что все эти практические вещи абсолютно четко подтверждают основные тезисы того, что мы обсуждаем – как строить новое

общество. Не нам конкретно – людям, собравшимся в этом зале, или даже нашей стране, а вообще в рамках цивилизационного развития нашего общества.

Ну и в этом плане что я хотел бы сказать. Очень важно, что Е.Б. Ленчук, выступая здесь, дала очень хорошие практические ценные вещи, связанные с тем, какие технологии, как они выглядят сегодня, на что надо обращать внимание. Потому что очень важный вопрос был в Академии наук еще в прошлом году, обсуждали, был вопрос задан: а какие технологии? Где там прорывные технологии? Это важный вопрос на самом деле. И я не зря в своем докладе сказал, Елена Борисовна подтвердила, что мы занимаемся – и ИНИР, и Институт экономики этими вещами, чтобы дать ответ на этот вопрос. И можно сказать, что это вопрос теоретического плана, но это и практический вопрос, потому что это – деньги государственные в том числе, это программы, о которых говорилось, – программы развития, это программы студенческого образования или программы подготовки людей, и т.д. Это те вещи, которые так или иначе должны войти в эту самую нашу новую экономическую модель как один из аспектов, и многие другие вещи абсолютно практического характера. И, тем не менее, мы говорим – технологии, устремленные куда? – в будущее.

Дмитрий Евгеньевич не принимает новых дефиниций, в том числе – нооообщество. Как политэконом. Поскольку имеет в виду – отражение в термине характера развития не только производительных сил, но и соответствующих экономических отношений. Рабовладельческое там, феодальное... Но я, принимая его мысль, исхожу из того, что в том типе общества, о котором я говорю, как раз таких отношений уже не будет. Я об этом сегодня, наверно, пожалуй, не очень внятно говорил, оставляю этот вопрос до презентации моей новой книжки в апреле.

Дмитрий Евгеньевич при этом, однако, очень важную вещь сказал. Он еще раз подчеркнул то, что в технологиях развивается то, что развивается в экономических отношениях, оно, так или иначе, постепенно перестраивает общество. Так вот это – самое важное. Один из его тезисов, который здесь был, одна из фраз – когда строится выступление, дают классические формулировки и разъясняют нам, что же они на самом деле означают. Это очень важно на самом деле. Одна из таких фраз была как раз об этом. Это

связано с тем, что сказано было и другими нашими коллегами, о формировании нового человека. Помните, у нас был такой коммунистический тезис в советские времена – формирование нового человека. Казалось бы, такая надуманная абстракция. На самом деле – нет. Если вернуться к тезису доклада, где я аккуратно сказал, что разум создает разум, – это действительно так. Мы, всякий раз формируя ответы на свои потребности – а структура потребностей меняется от зоо все-таки к ноо, Руслан Семенович, иначе, я думаю, мы не занимались бы здесь, не были бы здесь академики, а были бы питекантропы – видим, все-таки в этом плане структура потребностей меняется, меняется и структура ответов на эти потребности. И вот в этом плане, я думаю, что, если мы посмотрим на качественные изменения структуры потребностей и структуры удовлетворения, мы можем говорить о том, что переход количественных изменений рано или поздно перейдет в качество. Другое дело, и в этой части я соглашусь с Русланом Семеновичем, что, может быть, мое выступление прозвучало как оптимистический панегирик тому обществу, которое будет. Я в этом не уверен и не убежден на 100%, я говорил о возможности (!) такого перехода, как о реальной возможности. Почему? Потому что, если мы не уйдем от зоо, пойдем твердым техницистским путем, на который сегодня, собственно говоря, нынешняя парадигма развития толкает, на этот путь, то... Совершенно правильно выступающие коллеги сказали, что идет дикое отставание от развития технологий развитие самого человека как духовного существа. От человека – как человека культуры, ограничивающего вот эти самые применения, сферы применения, неразумного применения тех технологий, которые нам наука подсказывает. Вот если мы это понимаем, то мы должны понимать, что рано или поздно, если мы этим путем идем, мы придем к краху и вернемся на очередном этапе развития к предыдущему этапу. Это тоже предусмотрено, извините, классической философией. Я уже говорил о буераках и попятных движениях в развитии. Поэтому вариант турбулентности, который мы сегодня переживаем, заканчивающийся некой точкой бифуркации, к которой мы идем сейчас, предупреждает: нам нужно понимать, куда же мы придем. И вот если мы, – люди ноо, а не люди зоо, то должны понимать, что все-таки будущее структуре своей будет больше ноо, чем зоо, иначе останемся в той парадигме,

которая была, там, в тысячелетней истории человечества до этого. И не только останемся, а может, и вернемся. Вот на этой оптимистической ноте, я хотел бы настаивать – хоть я и говорю о буераках, но, тем не менее, я считаю, что шанс есть. Я, собственно, в своем докладе говорил, что шанс есть, да, я в это верю, что шанс есть.

Я хотел бы поблагодарить тех, кого я успел выслушать, сказать, что я обязательно все прослушаю, потому что идет запись, и я просмотрю. Более того, я буду редактировать стенограмму нашего семинара, поэтому я волей-неволей все перечитаю по три раза и перезвоню авторам. Я очень извиняюсь, что должен вас покинуть, потому что у меня встреча с нашими уважаемыми академиками, очередная "встреча эпохальная". И поэтому покинуть вас мне придется, но очень жаль.

Спасибо большое, счастлив был вас видеть. (Аплодисменты.)

(**Бузгалин А.В.**: Спасибо, Сергей Дмитриевич. Коллеги, мы продолжаем нашу работу. У нас много профессоров и не менее уважаемых кандидатов наук в программе (говорит о регламенте). У нас доклад профессора, заведующего кафедрой экономической теории, доктора экономических наук В.Т. Рязанова, СПбГУ.)

В.Т. Рязанов,
заведующий кафедрой экономической теории
экономического факультета Санкт-Петербургского
государственного университета, д.э.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Уважаемые коллеги! Вопросы, которые мы обсуждаем сегодня – они в значительной степени связаны с проблемами прогнозирования. И это на самом деле достаточно важно при всей необходимости обращаться к современному этапу, практическим задачам. Потому что для того, чтобы успешно решать практические задачи, надо достаточно ясно себе представлять и то, как развивается экономика и общество в будущем. Ну и, собственно, формировать тот образ будущего, проект будущего. И я хотел бы сказать, что, если обратиться к этому вопросу по поводу того, что сегодня может собой представлять вот этот образ или проект будущего, напомнить о том, до сегодняшнего дня такой господствующей идее об этом была идея неолиберальной глобализации как того мироустройства, собственно говоря, в котором должно воплотиться это будущее. Ну а итоговым результатом этой глобализации мыслилось создание всемирного правительства и глобальных институтов, которые и будут управлять экономикой, будут управлять обществом.

Сегодня понятно, что этот геопроект себя не оправдал и его серьезный кризис, который подтвердился мировым экономическим кризисом и нынешней ситуацией, как раз и актуализирует вопрос по поводу основания проекта будущего, что он может собой представлять уже в новых координатах. Вариантов таких достаточно много, просто коротко скажу о двух вариациях, на которых, мне кажется, имеет смысл обратить внимание.

Первое – это идея так называемой другой глобализации, т.е. – не снимая саму задачу создания такого всемирно организованного хозяйства, но главное – убрать ту неолиберальную составляющую, которая и определяет облик современной глобализации. Но здесь, наверно – что надо по этому поводу сказать? Конечно, необходимость укрепления международных взаимосвязей, она сохраняет свое значение, но очень важно иметь в виду – а кто, в

общем-то, может быть активным субъектом продвижения этой новой глобализации? Или другой глобализации, скажем так. Потому что то, что касается неолиберальной глобализации и продвижения за последние десятилетия – то понятно, что были активные субъекты, это были ТНК, которые были в этом заинтересованы, были главными выгодополучателями, и они ее продвигали с теми успехами и неуспехами, которыми характеризовались последние десятилетия. И возникает вопрос: хорошо, а кто сегодня заинтересован вот в этой другой глобализации и какие сегодня возможны участники, заинтересованные в продвижении этой глобализации?

Еще один вариант – он тоже, мне кажется, сегодня является предметом обсуждения, – это по поводу роли научно-технологических революций как того способа, который меняет и преобразует мир, общество и экономику. Действительно, мы живем в эпоху, когда научно-технические изменения, несомненно, очень серьезно влияют на организацию и хозяйственной жизни, меняют общество. Это несомненно. Это все находится в русле давней теории, давней идеи по поводу технологического детерминизма. И то, что такое влияние существует и наверняка мы можем ожидать в ближайшие годы усиление этого влияния – это также факт, который сегодня особых возражений не вызывает. И здесь понятно, что есть уже определенные реальные изменения, с которыми мы уже столкнулись, и это тоже нужно иметь в виду.

Какие эти уже реальные процессы на этом фоне – 4-я технологическая или новая промышленная революция – происходят?

Первое, что мы сегодня можем говорить – это непосредственное соединение самого производства с научно-техническими изменениями, вот это встраивание научно-технического процесса в производство. Оно как раз и обусловливает те существенные перемены в нашей экономике.

Второй момент тоже, мне кажется, является очень принципиальным. Это то, что сегодня происходит непосредственное соединение материального производства и сферы услуг. И традиционное разделение экономики на сферу услуг и сферу материального производства фактически сегодня утрачивает смысл, и здесь как раз мы можем говорить о довольно существенном стирании границ между этими двумя сферами. Это тоже достаточно

важная принципиальная перемена, которая происходит в современной экономике.

Ну и последнее из перечня таких уже существующих перемен – это то, что эти технологические изменения носят всеобщий характер. И вот эта всеобщность, в известном смысле – глобализация этих перемен, это тоже тот факт, с которым мы сталкиваемся и который надо оценивать, обращая внимание на современные процессы в экономике.

Вместе с тем все-таки по поводу технологического детерминизма я хотел бы сказать, что абсолютизация его роли имеет тоже довольно существенные издержки. Мы очень часто, когда обсуждаем новые возможности технологий, обращаем самое главное внимание на те возможные достижения и те возможные результаты, которые будут реализованы в процессе осуществления этих нововведений. И забываем о том, что любые технологические изменения несут не только позитивные перемены, но и негативные проявления и соответствующие издержки. И вот это обстоятельство тоже достаточно существенно, и его также необходимо иметь в виду.

Ну и, наконец, важно учитывать то, о чем сегодня уже говорилось – что сами по себе технологические изменения, при всей их важности и необходимости, должны сопровождаться соответствующими изменениями в самом хозяйственном, социально-политическом устройстве. И вот это соединение технологических изменений с необходимыми экономическими и социальными изменениями – это, наверно, тот ресурс, который и позволит говорить о существенных переменах, которые будут происходить в будущем.

Ну и, наконец, последнее, на что я хотел бы обратить внимание по поводу той идеи, которая прозвучала в докладе Сергей Дмитриевича о ноопроизводстве и роли ноосферы. Если это читать в таком более прагматичном варианте, то, собственно говоря, идея ноопроизводства – это идея создания разумной системы экономических отношений разумного производства. И если сегодня иметь в виду – а что значит разумное производство и в какой конструкции оно должно пониматься, можно отметить несколько моментов, на которые сегодня обращается большое внимание. Я чуть-чуть скажу по поводу последнего Римского клуба. Первое – по поводу разумных ограничений. Собственно, сама экология

побуждает к этому варианту. Ну и напомню, что этот доклад, который был опубликован в конце 2017 года, он как раз и посвящен этому – переходу к необходимости введения этих разумных ограничений. Второе, что с этим связано, – это необходимость отказа от избыточности потребления. Потому что избыточность потребления как раз в значительной степени подталкивает к экспансии экономического роста, представлений о том, что этот рост должен быть непрерывный, и что экономическая политика должна быть ориентирована на постоянное стимулирование экономического роста. Ну и последнее, что надо здесь сказать, связать эту идею разумных ограничений и отказа от избыточного потребления как разумного ответа на существующие ограничения – это необходимость антропологической революции, т.е. тех изменений, которые должны произойти в самом экономическом поведении, чтобы оно тоже было разумным. Вот если мы соединим все эти разумные начала, то, наверно, это можно и представить как некую модель будущего в таком его наиболее оптимистическом варианте. Спасибо за внимание.

(Бузгалин А.В.: Вопрос Р.С. Гринберга.)

(Гринберг Р.С.: А кто должен ставить эти разумные ограничения?)

Если мы сможем договориться, то решим эту проблему.

(Бузгалин А.В.: На самом деле решение есть, и решение это фиксируется двумя путями: первый – научный, второй – общественный, т.е. или демократически договариваемся, либо ученые говорят: больше калорий есть не надо и больше 10 пиджаков тоже. Это два варианта. Если вам не нравится – другой вопрос.)

(Гринберг Р.С.: А если не согласен?)

(Бузгалин А.В.: Всё, трагедия, вредный гражданин. Вот такие чудеса. Давайте продолжим наш разговор – В.А. Плотников, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИНИРа.)

В.А. Плотников,
главный научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, профессор кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н.

(Стенограмма выступления)

Уважаемые коллеги! Я постараюсь быть кратким в силу ограниченности нашего регламента. Я хочу продолжить ту идею, которую озвучил Руслан Семенович, как раз которая касается технологических вещей. И о том – было озвучено, что в плане высоких технологий мы действительно находимся далеко не впереди планеты всей. И вот эти проблемы, связанные с роботизацией, с этикой роботов, тем, что же будем мы делать, когда машины нас полностью заменят. Ну, на сегодняшней и на среднесрочной перспективе России это не касается. Не будет у нас большого количества роботов, не будет у нас проблем этики, и т.д. В силу отсутствия предмета для обсуждения.

Коротко пробегусь по своей презентации. Итак, бесспорный тезис, высказанный Сергеем Дмитриевичем, что, безусловно, развитие общества всегда базируется на материальном фундаменте. Этот материальный фундамент, в свою очередь, эволюционирует под влиянием технологического развития. Дальше цепочка логическая – чтобы технологии развивались, нужно развивать науку и образование, стимулировать научный прогресс. И вот с этой точки зрения ставится задача посмотреть, что творится в нашей российской экономике с точки зрения технологического уровня и влияния технологий на экономический рост – и, шире, на социально-экономическое развитие. Почему это важно? Мировой опыт показывает, статистика показывает, что во всех странах высокотехнологического сектора и в целом в мире и развитых странах, т.е. передовых развивающихся, типа Китая, этот сектор всегда растет быстрее, чем ВВП. ВВП можно сколько угодно ругать, но другого количественного измерителя масштаба экономической деятельности пока не придумали. Поэтому можно его корректировать, можно пересматривать методологию, вводить

новые версии национальных счетов, что не делалось в нашей стране с 2015 г., после чего руководителя Росстата уволили, а Росстат переподчинили, потому что выяснилось, что все не так хорошо, не так мы росли, как хотелось некоторым чиновникам. Тем не менее, вот этот сектор, действительно, растет быстрее. С этой точки зрения можно рассматривать его в качестве драйвера экономического роста.

Ну, и второй момент. Технологии влияют на потребление. Об этом мы все хорошо знаем. У меня в кармане – два мобильных телефона, у каждого из вас тоже присутствуют смартфоны, какая-то другая техника. Это меняет нашу жизнь, наш быт. Это меняет, скажем так, жизнедеятельность человека, социум меняет. Но, с другой стороны, технологии через положительную обратную связь, я подчеркиваю именно этот момент – через положительную обратную связь, с точки зрения системотехники, влияют на дальнейшее развитие производства – производство ускоряется.

Что мы видим: вот специально предкризисные цифры по миру. Темпы роста производства высокотехнологичной продукции с 2003-2008 года в среднем по миру составляли 10,5%. Это в 2,5 раза выше, чем среднемировые темпы экономического роста. Действительно, этот сектор развивается ускоренными темпами. Действительно, создание такого сектора в национальной экономике будет способствовать решению многих ее проблем, как социальных, так и экономических. Что мы видим на этом слайде? Как связаны технологическое развитие и уровень жизни населения. Левая колонка – это глобальный инновационный индекс 2017 года, самые свежие показатели, 10-ка первых стран в мире. Вторая графа – это данные о среднедушевом размере ВВП за 2016 год, за 2017 год цифры еще нет. Мы видим, что все страны, входящие в десятку мировых инновационных лидеров, технологических лидеров, входят в число 25, даже 23 стран, которые лучше всех стран по уровню жизни населения. Да, здесь еще есть некие добывающие страны залива, которые инновационными не являются, но причина высокого уровня жизни, она несколько иная, чем многопрофильная устойчивая экономика, которая имеет хорошие перспективы развития.

Что творится в России? Это – официальные данные, которые построены на отчетных данных и прогнозах Минэкономразвития России. В нашей стране, в соответствии с классификатором,

принятым Росстатом, который с Евростатом согласован, к высокотехнологичной относятся 5 видов деятельности, которые в таблице перечислены, – это авиакосмическая промышленность, производство фармацевтических препаратов и медицинской техники, компьютерная и офисная техника, радиоэлектроника, ну и другое, здесь перечисленное. В нашей стране на долю этого выпуска приходится менее 1% всего выпуска. Говорить о том, что высокие технологии бурно развиваются в нашей стране, и нам предстоит переход в некую качественно иную технологическую реальность при таких показателях, на мой взгляд, немножко – ну опрометчивое суждение, не имеющее под собой никакой фактической основы. Весьма показательная вещь, касающаяся компьютерной и офисной техники, – доля выпуска этой продукции просто исчезающе мала. Да, такая продукция в нашей стране производится, но и в прогнозах самых оптимистичных Минэкономразвития выше, чем 0,04% ВВП мы не выйдем, даже при приложении всех возможных усилий.

Далее можно посмотреть на баланс в торговле высокотехнологичными товарами нашей страны. Слайд охватывает до 8-ми месяцев 2017 г., более свежей статистики найти не удалось. Что мы видим – стабильно выше 60% всего импорта России – это высокотехнологичный импорт. В экспорте эти продукты тоже имеются, но всего лишь около 10%. Если разобраться в структуре, что это такое – преимущественно вооружение, которое в большинстве своем относится к высокотехнологичной продукции. Это – авиация, это продукция судостроения, это различные приборы.

Это только 8 мес. Перед новым годом будут, возможно, другие показатели. По вооруженческим контрактам, скажем, они закрываются весьма неравномерно. То есть, я не могу дать ответ на этот вопрос, это официальные данные Росстата, которые на данный момент сегодня такие.

Дальше слайд – картинка без особых комментариев. Три верхние линии – это доли высокотехнологичного экспорта в странах развитых, развивающихся, нижняя линия – это Россия. Мы видим, какой большой разрыв, и даже от развивающихся стран в среднем по миру мы отстаем на данный момент. Прогресс намечается, но весьма несущественный. В чем проблема? Картинка показывает. Если посмотреть по уровню технологичности нашей промышленности, то именно в высокотехнологичном секторе коэффициент обновления

основных фондов самый маленький. Сюда элементарно никто ничего не инвестирует. Да, коэффициенты везде невелики. Но именно в этом сегменте коэффициент обновления основных фондов – самый маленький, и стабильно – самый маленький, и в среднем – самый маленький. Что делать? Слайд комментировать не буду, к сожалению, о невидимой руке рынка сегодня говорили, в том числе о ее артрите. Я с этим полностью согласен – без активного государственного вмешательства обойтись не получится. Либо мы хотим иметь высокотехнологичный сектор собственный, иметь технологическую безопасность, сокращение разрыва от развитых стран – и тогда государство должно вмешиваться. Либо мы говорим, что мы все отдаем на волю рынка – и тогда о надеждах на технологическое лидерство или на хотя бы заметную роль технологическую в мире России следует поставить большой крест. Спасибо.

(Бузгалин А.В.: Спасибо. Вот такая не слишком оптимистическая, но очень объективная картина. Мы продолжаем свою работу – Е.А. Ткаченко, доктор экономических наук, профессор СПбГЭУ.)

Е.А. Ткаченко,
профессор кафедры экономики и управления предприятиями Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н.

(Стенограмма выступления)

Уважаемые коллеги! Сегодня много говорили уже о той специфической экономике, которая у нас сейчас формируется. Можно выстраивать самые разные предположения о том, как она повлияет на дальнейшее макроэкономическое развитие. На самом деле я как бы еще больше опущусь на землю, чем предыдущие ораторы себе позволяли. Я все-таки человек из практической экономики, занимаюсь экономикой компаний, экономикой предприятий, прежде всего – в промышленной сфере. С этой точки зрения мне очень близка позиция в смысле понимания тех процессов, которые сейчас происходят, которые высказывает профессор Эрих Цуй из гонконгского политехнического университета в отношении так называемой Индустрии 4.0, про которую все говорят, но мало кто понимает, что это такое.

Так вот, индустрия 4.0 и новая индустриализация. Почему это было воспринято как промышленная революция? На самом деле она свершилась уже. Просто никто не успел осознать. Ученые постфактум фиксируют, осознают, что произошло, потому что это действительно переворот – впервые за 300 лет сменилась парадигма взаимоотношений производитель – потребитель. Потребитель 300 лет диктовал, что производить. На это можно было либо покупать, т.е. рынок учитывался по реакциям на производимую продукцию, либо не покупать – и тогда производитель переставал производить. Сейчас в автопроизводстве, как, наверно, самом ярком показателе, производитель за 3 недели до начала производственного процесса не в курсе – сколько автомобилей, какой марки, какой комплектации ему предстоит производить. Соответственно, это отдел закупок и логистики не представляет, сколько краски, каких комплектующих, каких сидений заказать под те заявки, которые были сформированы. Это новая система взаимоотношений, когда потребитель формирует свои предпочтения, свои заказы индустрии в крупномасштабных

производствах. Уникальная абсолютно ситуация, полный переворот. Ситуация, которая полностью изменила всю систему взаимоотношений. А сегодня уже упоминали о том, что сервис и индустрия начинают у нас сращиваться. По аналитикам, которых я читала, это, очевидно, тот процесс, который будет все больше и больше углубляться. И все больше у нас будет происходить то, что у нас называется индвидуализацией массового производства и потребления.

И вот в этих условиях те процессы, которые мы наблюдаем, они являются прикладными. То есть развитие киберфизических систем, роботизация и автоматизация производства не отменяет значимости человека в этом мире. Более того, то, что можно наблюдать по экономикам развитых стран, – четко раскладывается индустрия на два направления: это автоматизация и роботизация – и так называемое крафтовое производство, ручное производство, которое активно возрождается во всем мире и относится к производствам элитарного типа. Поэтому неверно сказать, что человек труда не будет востребован, – посмотрите на Италию, там был глубочайший спад легкой промышленности, который нашел свое выражение в массовом развитии ручных производств. Восстановление и развитие этих ручных производств в производстве высокобрендовой одежды по сумасшедшим ценам, потому что ботинки, сделанные в Китае, и ботинки ручной работы – это два совершенно разных объекта потребления. И с этой точки зрения применение интеллектуальных систем на основе искусственного интеллекта в промышленности и обеспечивающих отраслях просто создает новую платформу для взаимодействия, новые направления развития. И совершенно очевидно, что прежних условий с предсказуемой экономикой, с устойчивыми цифрами уже больше никогда не будет. Нам придется привыкать к тому, что называется новой реальностью. И все, что мы можем предложить, – это высочайшую степень адаптивности и реактивности с учетом тех условий, которые формируются. Развитие креативных индустрий, о которых тоже так много говорят, на самом деле есть перечень этих креативных индустрий, принятый на уровне Евросоюза или, допустим, на уровне отдельных государств. В соответствии с этими перечнями, например, в сектор креативной индустрии попадает у нас производство кинопродукции, потому что это, по сути,

промышленное производство, IT-индустрия, реклама, фэшн-индустрия, прочие области, которые традиционно у нас к промышленности никогда не относились, происходит трансформация представлений о промышленности, она просто проистекает из тех процессов, которые мы сейчас наблюдаем. Во-первых, высокотехнологичной может стать любая отрасль, которая сегодня – отрасль низкотехнологичная. Ну, наверно, в качестве примера одной из самых низкотехнологичных традиционно приводят переработку леса. На самом деле сейчас это высокотехнологичное производство с высокой долей добавленной стоимости, а с развитием новых знаний – шаг до создания новых подходов к производству целлюлозы – и тогда это будут сверхвысокие технологии. Принципиально иная ситуация.

Индустрия 4.0 предполагает широкое использование облачных сервисов с целью массовой индивидуализации потребления. И вот эти облачные сервисы начинают нам диктовать новые правила игры. Основой промышленного развития становится средняя производственная единица, некрупное производство. Промышленные компании активно используют аутсорсинг ряда функций, которые предполагают миграцию аналитических, ряда логистических функций на облачные платформы. Логистика становится одной из основных промышленных функций наряду с информационной инфраструктурой и инжиниринговыми сервисами. И с этой точки зрения общая трансформация, которую мы сейчас наблюдаем в области производства, у меня она, скорей, вызывает оптимизм, нежели пессимизм. Потому что определенные виды профессий исчезают, но создаются предпосылки для формирования новых профессий и новых видов деятельности. Компетентностный подход – да, горячо поддерживаю. Мне очень нравится концепция, которая сейчас активно развивается в ряде зарубежных стран по так называемому общему базовому высшему образованию. Так называемый общий бакалавриат. Что это такое? Это те необходимые базовые знания, которые позволяют потом накладывать любые компетенции по любым отраслям деятельности, по любым сферам и интересам на имеющийся базис. Это знание IT, это знания, связанные с математикой и матпрограммированием. Научить этому можно, как показывал опыт советской школы, практически кого угодно. И на это же в обязательном порядке – изучение экономики,

философии, юриспруденции, потому что без экономики и юриспруденции в современном мире человеку делать нечего, это базовое образование экономическое, почему, собственно, так много экономистов и производят. Не потому, что они все будут работать в экономике. Нет, потому что закладывается системное мышление, которое позволяет выживать в современных экономических условиях. И поэтому перспектива вот такого вот базового образования, а потом формирование компетенций, адаптивных под потребности современных экономических запросов – на мой взгляд, очень перспективное направление.

И также следует принять, что существует определенная системная проблема новой реальности, в которой существует промышленность. Это низкая степень детерминированности, высочайшие риски как раз в силу того, что циклы сокращаются, колебания становятся более выраженными. Высокие требования к адаптивности, гибкости, которые требуют абсолютно новых навыков, новых компетенций. И в этой системе я как человек с высшим образованием сейчас представляю себе ситуацию следующим образом: если раньше, готовя экономистов, готовили специалистов в других отраслях, в том числе и инженерной, и мы оказались в ситуации человека, отставшего от паровоза. То есть паровоз несется по рельсам, мы его судорожно догоняем. Сейчас мы уже все-таки вскочили в этот паровоз и учимся на ходу, а должны бы прокладывать рельсы. Спасибо.

(**Бузгалин А.В.**: Уважаемые коллеги, у нас закончились такие важные дополнения к нашим философским размышлениям конкретным материалом, которые, конечно, хочется комментировать и где-то спорить, но спорить не с фактами, а с их наблюдением. В любом случае, спасибо Елене Анатольевне. А.И. Колганов, доктор экономических наук, профессор, МГУ им. Ломоносова. Подготовиться Городецкому.)

А.И. Колганов,
главный научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Сейчас в нашей стране широко дебатируется цифровизация экономики, как раньше у нас дебатировалась, скажем, проблема перехода на инновационный путь развития. Но я должен сказать, что проблема цифровизации – это проблема не надуманная. Внедрение современных достижений информационно-коммуникационных технологий принципиально важно для нашей экономики.

Меня беспокоит в этом вопросе другое: очень ограниченное понимание того, что такое цифровая экономика и еще более ограниченная практика применения цифровых технологий. Для чего, собственно говоря, нужна цифровизация? Повысить эффективность экономики – да, надо повысить эффективность экономики, цифровизация это позволяет. Приложение информационно-коммуникационных технологий к технологическим процессам 3-4 поколения, даже 2-го поколения дает определенные эффекты. Скажем, компьютерная автоматизация прокатного стана увеличивает его эффективность. Прокатный стан – это технология 3-го поколения. Компьютерная диспетчеризация постояльцев в гостинице и работы горничных по обслуживанию номеров тоже приносят эффект – но это технологии 2-го поколения. Но если мы будем идти по такому пути, мы получим лишь немного более эффективную экономику, в основном на старой технологической базе. С цифровой примочкой сбоку.

Надо сказать, что вот здесь потенциал внедрения ИК-технологий высокий. Он позволяет их внедрять практически в любые технологии, встраивать. Но восприимчивость технологий к ИК-технологиям разная. Технологии 2,3,4-го технологического уклада очень плохо воспринимают их. Да, к ним эту цифру приделать можно, но эффект не слишком велик и быстро затухает,

он не распространяется дальше по экономике. Вот поставили мы тот же самый компьютер управлять прокатным станом. Что мы получили? Немного более эффективно работающий прокатный стан и сокращение персонала, его обслуживающего. А что дальше? – а ничего, на этом все закончилось, никакой волны технологической дальше нет. Надо четко понять, что внедрение ИКТ может дать технологический импульс для экономики только в сочетании с технологиями 6-го поколения: биотехнологиями, нанотехнологиями, когнитивными технологиями. Для этих технологий ИКТ-технологии выступают своего рода системным интегратором, позволяющим создавать многообразные гибридные технологии.

А где у нас идет цифровизация, где у нас передний край ИКТ? Где применение систем искусственного интеллекта – к бизнес-процессам в основном. Вот где у нас внедряются цифровые технологии. И немножечко экспериментов в других технологических областях – в роботизации, в медицине, там еще кое-где, в каких-то промышленных процессах – точечно. А более-менее широко эти технологи идут только в приложении к бизнес-процессам. Так экономику модернизировать не получится. Надо перейти от "цифровизации отсталости" к применению гибридных технологий 6-го поколения, к так называемым НБИК-технологиям и широким фронтом, массово переводить на них производственные процессы. Такой массовый переход, естественно, будет вызывать сдвиги в занятости, которые уже прогнозируются. Куда они пойдут, эти сдвиги занятости? Будет ли искусственный интеллект высвобождать людей и потом отправлять их куда-нибудь там в сферу прислуживания, увеличивать армию посудомоек, горничных, продавцов, уборщиков и т.д.? Либо же для этих людей откроются пути в сферу научных исследований, опытно-конструкторских разработок, в образовании и воспитании, в художественное творчество, в сферу социальной помощи и т.д.? По какому пути пойдут высвобождение и перестройка структуры занятости? Для того, чтобы повернуть на второй путь, цифровизация должна не ограничиваться рядом профессий, системами искусственного интеллекта, а нужны масштабные вложения в научное, техническое, социальное творчество. И вот тут я не могу не поставить вслед за С.Д. Бодруновым вопрос о последствиях принимаемых решений. Что будет происходить дальше?

Особенности гибридных технологий 6-го поколения в том, что они, с одной стороны, все меньше требуют непосредственного участия человека. Действительно, происходит непосредственное вытеснение человека из производства. Проще говоря, в эти технологии человеку руками лезть не надо. Человеку остаются исследовательские, проектные, целеполагающие функции. С другой стороны, эти технологии в значительной степени направлены на воздействие на самого человека. Они, образно говоря, вторгаются в человека – воздействуют на геном, на нейрохимическую регуляцию поведения человека, создают человеко-машинные интерфейсы, мы вплотную подошли к киборгизации человека, когнитивные технологи используются для манипулирования сознанием и т.д. Сергей Дмитриевич в этом смысле прав совершенно – эти технологии подводят нас к развилке. Возникает необходимость иного уровня ответственности, иной рациональности целеполагания, иной структуры потребности. И нужен для всего этого иной уровень культуры.

А в чем залог перехода человека на этот иной уровень культуры? Что, мы его будем уговорами, воспитательными мерами на этот новый уровень культуры переводить? Нет, это, конечно, важно, нужно, совершенно необходимо, но одними такими мерами обойтись невозможно. Потому что на самом-то деле человек есть то, что он делает. И залог – в изменении характера человеческой деятельности. Вытеснение человека из материального производства должно вести не к росту, так сказать, люмпенов-бездельников, живущих за счет социальной благотворительности. Если мы сокращаем рабочее время и увеличиваем время свободное, то надо предоставить человеку возможности для творческой деятельности. Тогда и цели, и потребности, и определяющая их культура будут расти на основе этой творческой деятельности и ею определяться. Спасибо.

(Бузгалин А.В.: Спасибо, Андрей Иванович. Очень важные, крупные вопросы были поставлены. И я тоже хотел поддержать акцент на содержании деятельности и творческом содержании деятельности в происходящих изменениях. А.Е. Городецкий, доктор экономических наук, профессор, руководитель научного направления Института экономики РАН.)

А.Е. Городецкий,
руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития»
Института экономики РАН, д.э.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Я по ходу нашего семинара уже трижды или четырежды пересматривал структуру своего выступления, и отказался полностью от презентации и от текста выступления.

(Бузгалин А.В.: Коллеги, у кого есть тексты и презентации, передайте их в оргкомитет. Они будут использованы для консультаций и в книгах, и в журнале «Экономическое возрождение России», он один из самых высокорейтинговых в нашей стране.)

Мне бы здесь хотелось затронуть те вопросы, которые прозвучали и которые, на мой взгляд, придают и тому докладу, и той позиции, и вообще тематике, которую мы сегодня обсуждаем, такой новый и принципиально важный характер.

Начну с того, чем хотел закончить, – что акцентировали Сергей Дмитриевич и Александр Владимирович, – это тема человека. Она здесь так звучала немножко у коллег скептически, как некая фантазия, утопия. Но я хочу сказать, что именно в это понимание «концепт человека» упирается вся та конструкция, которую нам представил Сергей Дмитриевич. В конце концов, надо определиться – у нас ведь сегодня кого пестуют? – квалифицированного потребителя. Ушел человек из жизни, ушел человек из науки, ушел человек из высокой философии, остался квалифицированный потребитель и т.д. – человек успеха, человек удачи? Или мы все-таки будем ориентироваться на человека-созидателя жизни и самого себя, как это было представлено Сергеем Дмитриевичем? Я сейчас вспоминаю те формулировки, которым нас когда-то учили в социалистической политэкономии, что цель производства – это всестороннее развитие личности, человека как цель производства, и думаю – а что в этом было плохого? Мы ведь постепенно к этому возвращаемся, в других словах, на другом уровне, в другом понимании. Видимо, без этого поворота нам не обойтись.

Причем, я хотел бы здесь особо отметить, – дело здесь не только в образовании и тех структурах, которые сегодня функционируют как определенные институты социально-экономической инфраструктуры. Мне кажется, что здесь все гораздо глубже и серьезнее. Ну, во-первых, идеал человека. Что мы можем сегодня сказать об идеале современного человека, будущего россиянина, будущего члена нашего общества? Практически ничего. Я имею в виду ту серьезную гуманитарную науку, которая должна была дать серьезные ответы на вопросы об идеале. Философия человека – то же самое. На кого мы сегодня ссылаемся? Мы ссылаемся на тех блестящих философов, с которыми мы встречали Перестройку, которые были выпестованы философской школой Советского Союза, которых мы и сегодня цитируем и понимаем. Здесь сегодня звучала фамилия Вадима Межуева. Новых-то никого не называем! Все туда ссылаемся. Ну и, конечно, образ человека. Образ человека – это, я понимаю, апелляция к культуре, которая здесь звучала. Она как раз и исходила из того, что образ человека создается культурой. И, наверно, несколько иной культурой, нежели та, с которой мы сегодня имеем дело.

В этом плане я думаю, нужно говорить не просто вот о тех реформах, которые сегодня поломали хребет образованию, науке, культуре, здравоохранению и т.д. Нужно говорить о том, что все эти революции, как бы их ни называли, они нуждаются в гуманитарном ренессансе. И если духовный портрет человека по образу и подобию Божию все же неубиваем даже в условиях нашего эрзац-либерализма, то все-таки психологический, философский, социологический портрет человека – это все-таки задача из задач. Это как раз и есть развертывание таких исследований и развитие такого понимания человека, та задача, которая представлена определением «гуманитарный ренессанс». Ну и, конечно, образ человека. Я хочу сказать, здесь вообще-то требуется очень серьезная, не побоюсь этого слова, зачистка, потом восстановление и потом ренессанс вот того образа человека, как на Востоке говорят, «благородного господина», или как раньше говорили в термине Валентина Толстых – «советский человек как он есть», подразумевая, что это человек достоинства, человек, у которого «собственная гордость», и т.д. В этом плане, конечно, здесь нужны и творчество, и дискуссии. И вообще культура, я бы рискнул так

сказать, она не только универсальна, но она эмоциональна. И без этого культурного суверенитета нам никуда не деться.

Остальное, в принципе, не важно, но я все-таки скажу. Это тема НИО, цифрового общества и новой экономики. Полностью поддерживаю здесь А. Колганова, потому что моя тема, собственно, сводилась к тому, что за цифровой экономикой, за программами цифровой экономики, за развитием по факту цифровой экономики, стоит та же старая идея постиндустриализма, когда все эти технологии берутся как бы от Деда Мороза, ниоткуда, раздаются, одариваются, распределяются, и насыщается жизнь, производство, туда-сюда, 3, 10, вот этими технологическими новшествами. Совершенно очевидно, что весь индустриальный концепт здесь пропадает. А сама 4-я революция рассматривается, по сути дела, как радикальное институциональное изменение типа блокчейна, типа распределенных реестров и т.д., с полным исчезновением вот того самого индустриального концепта. Поэтому вот эта конструкция, что нельзя перейти к цифровой экономике, а дальше к ноосфере, минуя НИО.2, индустриальное общество, она абсолютно правильная. Спасибо.

(**Бузгалин А.В.**: Спасибо, Андрей Евгеньевич. Вот этот акцент на человеке профессора Городецкого мне показался принципиально важным, и, посовещавшись с президиумом, я решил предоставить слово профессору, мужем которой я являюсь, а именно Л.А. Булавке, доктору философских наук, профессору МГУ.)

Л.А. Булавка-Бузгалина,
профессор философского факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова, д.филос.н.

(Стенограмма выступления)

Спасибо большое профессору Городецкому, который дал мне, узаконил основание моего выступления.

Я ставлю вопрос: первое, если мы ориентируемся на новый тип производства с высокими технологиями, с высоким потенциалом, с индустриализацией прорыва, то у меня возникает вопрос, даже не вопрос, а само собой разумеющееся заключение – нужен творческо-креативный работник, нужен новый тип производительной силы.

Это понятно, что это нужно не только для того, чтобы обеспечить новый уровень, новое содержание производства, это нужно еще и в силу того, чтобы решать следующую проблему, второе – регулирование, управление социальными отношениями. Сегодня оно уже невозможно при наличии такого менеджера, который только функция и который мыслит об экономической реальности лишь отдельными фрагментами экономических связей. Он не может мыслить об этой реальности как о том, что нечто целостное.

Третий момент. Если мы говорим об эффективной новой модели экономики, производства, производительных сил, то понятно, что одним из важных критериев такой экономики является наличие в такой экономической системе оснований для саморазвития экономики и саморазвития производительных сил. Возникает вопрос – откуда возьмется это основание? Откуда возьмется этот творческий креативный работник? Ну хорошо, если производство связано с творческим характером труда и т.д. А если его нет? Откуда такой работник возьмется? Не секрет, если я не ошибаюсь, я не экономист, я могу ошибаться, что сохраняется рентная модель экономики, сохраняется доминирование финансового капитала над производственным. Вот где, где мы возьмем этого работника, повторяю этот рефрен. Может быть, в сфере потребления? Но сфера потребления сегодня – это сфера

потребления брендов, знаков этого потребления. Где сегодня это симулятивное потребление симулякров товаров, которое содержит в себе симулятивное представление о высокой стоимости? Сегодня потребление симулякров-товаров – это симулятивное потребление, оно актуально. Потому что сегодня человек России, потерявший основы для самоидентификации, связанные с культурой, историей, с развитием личности, со значением личности, он нуждается в таких костылях, как бренды, которые дают ему основание, потребляя эти бренды, обеспечивать себя, обкладывать себя атрибутами престижного потребления, которые в действительности для современного, особенно молодого индивида, являются критерием вообще своего жизненного успеха. Престижное потребление как смысл и суть человеческой жизни. Для чего мы существуем? – показать этот успех.

Заканчивая, хочу сказать, что рекламщики, маркетологи сегодня продвигают эти бренды. Причем посмотрите, что они делают. Они создают общественные представления о представлениях, т.е. о брендах. Потому что сами бренды и есть представления. И вот это двойное абстрагирование предметов потребления приводит и обеспечивает этот симулятивный характер. Об этом было сказано в докладе профессора Бодрунова, и не случайно. Потому что мы все упираемся в важнейшую проблему, которая выходит на пределы экономики, – это проблема развития человека. Пока эта проблема не будет решена в рамках тех или иных предлагаемых систем экономического развития, мы не будем иметь потенциала развития. Тогда встанет вопрос – либо мы идем к отрицанию человека как производительной силы (хорошо, если ее заменят роботы), либо человек сводится к функции, у которой еще сохраняется нервная система, но человек не является креативным субъектом социальных отношений, культуры и т.д., – о субъектности вообще не идет речь. Либо мы все-таки должны понимать, что альтернатива существующему миру отчуждения, который сегодня проявляется и в системе экономики, и в системе социальных отношений, и в системе культуры – конечно, человек как субъект творчества, общественных отношений.

И – маленький исторический пример. Вы знаете, после Октябрьской революции вся научная интеллигенция саботировала большевиков и работать с ними категорически не хотела. И только

после того как был предложен план ГОЭЛРО, вся эта академическая интеллигенция сказала – мы будем работать. Потому что такой план ГОЭЛРО, который был экономическим проектом, социальным, культурным, имел в себе все это единое, все стороны развития человека – и как производительной силы, и как субъекта общественного. Вот только в таком случае мы обеспечим прорыв из того отчуждения, поиск проблемы которого и был поставлен сегодня С.Д. Бодруновым. Спасибо.

(**Бузгалин А.В.**: Спасибо. Людмила Алексеевна. Вы важную тему подняли, и хорошо, что она прозвучала. И спасибо за пунктуальность и точность. Мы переходим к «молодой» части докладов – Н.Г. Яковлева, ведущий научный сотрудник ИНИРа и Института экономики РАН, кандидат экономических наук.)

Н.Г. Яковлева,
ведущий научный сотрудник Института
нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, к.э.н.

(Стенограмма выступления)

Коллеги! В самом начале позволю себе сконцентрировать ваше внимание на трех опорных тезисах из доклада Сергея Дмитриевича. А дальше уже буду говорить о роли образования вот в том ноосферном, новом обществе, обществе будущего.

Первый тезис. Конечно, Сергей Дмитриевич правомерно и своевременно поставил в докладе вопрос о тех качественных изменениях вообще во всех сферах общественной жизни человека, которые, с одной стороны, частично назрели, но, с другой стороны, мы как раз являемся теми людьми, которые находятся в процессе этих изменений.

Второе – это важно иметь в виду, что эти качественные изменения вызваны или порождены новыми современными технологиями, но надо иметь в виду, что не сводятся к ним. Это очень важно.

И третий момент – это то, что именно в данных условиях изменяющейся общественной жизни значимую роль приобретает прогресс культуры и личности.

Но я больше буду говорить о роли образования. Мне очень, с одной стороны, радостно, что почти в каждом докладе говорилось об образовании. Но, с другой стороны, печально, что почти все говорили о негативных тенденциях, которые сейчас у нас происходят в образовании.

Но все-таки, как же вот эти три тезиса основного доклада нашего семинара преломляются в связи с социально-экономическим содержанием образования? Вот это очень важно. Потому что когда мы говорим о проблемах образования, мы говорим о стандартах, о методике, о финансировании. Но мы не говорим о социально-экономическом содержании, а оно есть. В связи с этим первое, что хотела бы сказать: новые технологии, о которых говорилось во многих предыдущих докладах, в перспективе должны обеспечить концентрацию человека в основном на творческой деятельности. И здесь правомерно Сергей Дмитриевич приводил слова К. Маркса,

который говорил, что человек будет стоять по ту сторону материального производства. Так что же в этом случае есть образование? Что оно должно делать? Образование должно быть таким, чтобы как раз-таки нацеливать себя, эту сферу на то, чтобы формировать творческий потенциал человека. Так какое же должно быть образование будущего общества? Я его определяю так: образование будущего – это сфера, где будут господствовать неотчужденные формы общественных отношений. Это – определение с политэкономической точки зрения, и оно достаточно глубокое и говорит как раз о тех назревших проблемах, которые есть сейчас в образовании.

Сейчас мы наблюдаем, что, наоборот, образование превратилось в сферу отчужденных форм общественных отношений в полном смысле этого слова. И свидетельство этому не только негативные, а, я бы сказала, регрессивные тенденции современного образования, которые как раз-таки могут очень сильно застопорить тот процесс перехода к светлому будущему, о котором мы говорили. Как Сергей Дмитриевич говорил: мы стоим на развилке. Так вот, если эти регрессивные тенденции будут продолжаться, мы как раз-таки и придем к тому технотронному обществу, где будущие люди будут только уметь нажимать на правильные кнопки, причем не по своей воле, а по воле манипулятора.

Итак, регрессивные тенденции. Я назову их коротко, но они приведены на слайде. Это – коммерциализация, бюрократизация и менеджеризация образования. Причем хотелось здесь подчеркнуть, что эти тенденции – не только тенденции, характерные для образования нашей страны, это мировые тенденции. И независимо, какая экономическая модель – то ли это капиталистическая – хозяйство развитое, то ли это бывшие страны соцлагеря – везде проблемы одинаковые, в той или иной степени развития.

А что же такое образование будущего, в котором, как я уже говорила, будет господствовать неотчужденная форма общественных отношений?

Для того чтобы прийти к образованию будущего, нужно запустить обратный процесс, т.е. обратные тенденции того, что мы видим сейчас.

В частности, во-первых, процесс демократизации. Он должен смениться процессом социализации. Должна произойти де-коммерциализация образования. Что это такое? Целью этого

процесса должна стать общественная модель образования для всех и через всю жизнь. Причем очень важно, что в рамках этой модели образования все слои населения должны иметь равный доступ к образованию. Только тогда мы сформируем человека нового типа, о котором мы говорили. Если же будут барьеры, причем коммерческие барьеры, никогда мы не придем и не создадим этого человека.

Второе – это процесс дебюрократизации, который в первую очередь представляет собой процесс отхода от формальных критериев в оценке труда преподавателей – с одной стороны, и в оценке знаний подрастающего поколения – с другой стороны.

И третье – это деменеджеризация, т.е. превращение образовательных организаций в самоуправляемые общественные организации с большими полномочиями как педагогического коллектива, так и сообщества учащихся – это очень важно, потому что учащиеся у нас тоже должны быть полноправными участниками этого процесса.

И самое главное – государство не должно стоять в стороне. Именно государство должно нести ответственность перед обществом за развитие образования, направляя и планируя его. Это очень важно. Стимулируя и финансируя его, но никак не подчиняя его себе, как у нас происходит сейчас, в частности в нашей стране.

В тезисах доклада С.Д. Бодрунова была фраза: если мы хотим вскочить в поезд, ведущий нас в будущее, его нужно создавать уже сейчас. Я бы хотела продолжить: нужно создавать тех, кто построит этот поезд, кто будет умело им управлять и выберет нужную ветку для того, чтобы этот поезд двигался.

И главное, последнее, что хотела сказать: образование должно быть устремлено в будущее, т.е. наше образование уже сейчас должно знать, какие личностные качества человека, и это очень важно, это на первое место ставлю, и какие знания нужно давать подрастающему поколению, чтобы это было востребовано через поколение, а не только в сегодняшнем дне. Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

(Бузгалин А.В.: Мы активно движемся к гуманитарным сферам, думаю, это правильно, что между нами идет такой диалог. И сейчас, я думаю, самое время поговорить о социальном параметре бизнеса и вообще о социальном бизнесе. Слово Р.Н. Павлову, кандидату экономических наук.)

Р.Н. Павлов,
старший научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, к.э.н.

(Стенограмма выступления)

Спасибо, Александр Владимирович, но если честно, я сегодня, послушав, хотел бы поговорить не о своей любимой теме «социальное предпринимательство», а коснуться общих проблем, затронутых в докладе.

Сергей Дмитриевич говорил о том, что отставание происходит нравственной сферы, духовной от технологической. Я бы хотел выразиться более радикально, поскольку большинство здесь присутствующих – марксисты.

(Бузгалин А.В.: Ну, некоторые.)

Да, поэтому мне хотелось бы вспомнить прекрасное разделение, помните, у Маркса – базис и надстройка, которые можно применять не только в узком смысле, как производственные отношения и производительные силы, но и в плане развития общества – что является главным, а что второстепенным, так сказать, то, что должно сопровождать это развитие. В этом смысле мне кажется, что та болезнь, которая с Россией, в частности, чем больна экономика России, это можно выразить тем, что произошло просто… перепутаны местами базис и надстройка фактически. Вот эта технологизация, она стала, по сути, базисом, а духовная сфера превратилась в надстройку, ее обслуживающую. И это, мне кажется, главный диагноз, который я бы мог вынести нынешней современной власти, нынешнему современному экономическому, политическому истеблишменту, и, поскольку министр культуры Мединский тоже в этой связке, то этот приговор также и ему. Постольку поскольку вот эта технологизация любой ценой действительно вытесняет духовную сферу как таковую, выхолащивает ее постепенно. Примеров этому можно приводить довольно много. Вот, в частности, приводил А.И. Колганов слова о том, что происходит киборгизация сознаний у школьников. Действительно, нынешнее поколение, я общаюсь с некоторыми подростками современными, которые достаточно циничны, достаточно агрессивны, достаточно прагматичны, и уж,

действительно, не похожи на то поколение, которое было ранее… Вот даже когда я учился в 80-е годы, наши какие-то ценности и солидарность им достаточно чужды. И самые радикальные примеры вот в этом смысле в школе – то, что недавно в Перми произошло, до этого было убийство учителя физики в средней школе, когда ученик любой ценой требовавший, чтобы он ему повысил рейтинг, портфолио, от которого зависит его дальнейшая карьера, пришел и фактически расстрелял учителя. То есть фактически такая киборгизация сознания, когда становятся агрессивными, конкурентными все против всех в обществе, является, в общем-то, следствием вот этой смены, мне кажется, вот этой перемены между базисом и надстройкой. Постольку поскольку технологизация фактически стала ... ну как бы это сказать… здесь хочется вспомнить пример из сказки «Три толстяка», когда наследнику Тутти пытались сделать искусственное сердце и думали, что он превратится в какого-то такого, а он остался человеком. Я хотел бы, чтобы в жизни финал был как в этой сказке, а не такой…

Ну, и еще мне хотелось сказать, что рыба гниет с головы, как говорится. И во многом вот это агрессивное поведение современного общества диктуется агрессивным поведением государства. И мне хотелось привести пример из пресловутой оптимизации. Вы знаете, оптимизация сейчас идет активно по всей сфере здравоохранения, по образованию, идет достаточно агрессивно, цинично. И поскольку у меня знакомые работали в Институте патологии речи на Таганке в Москве, они мне рассказали о таком случае, что действительно явились «эффективные менеджеры», которым было просто спущено задание сверху – эти технологии, инновации, модернизация любой ценой, даже путем сокращения штатов. В итоге людей пачками выгоняют на улицу, и деньги, которые можно было бы оставить им на зарплату, тратятся на абсолютно ненужные инновации-симулякры – колл-центры для подбора персонала, хотя в принципе главврач мог бы и сам этим заниматься, без создания таких центров. Создается какая-то дополнительная страница на фейсбуке или в соцсетях, на это тоже расписываются немалые деньги. То есть можно было бы народ не выгонять. То есть – вот это "инновационный" крен «любой ценой», который сейчас проводится нашим государством, нашей государственной политикой, является тем основным фактором, который привел к нарушению взаимодействия базиса и надстройки,

о котором говорил Маркс, и которое можно было бы трактовать гораздо шире.

Примеры в культуре можно также приводить на эту тему. Например, последняя премьера Большого театра «Нуриев» ничего общего с художественной ценностью не имеет – скорее, на потеху олигархов созданное зрелище, которое само по себе – и музыка, и хореография – в реальности не могут конкурировать с таким шедевром, как «Спартак» Григоровича и другими постановками. То есть фактически главным становится эта блажь – технологизация, а духовная сфера отходит на второй план. Мне кажется, что это главная беда. А без этого ни о какой ноосфере мы мечтать не можем. Спасибо.

(Бузгалин А.В.: Мы очень органично соединяем, хотя выступают экономисты, философы, пласт духовной, культурной и собственно экономической материи. И я думаю, эта тема будет продолжена Д.Б. Джабборовым, кандидатом экономических наук, старшим научным сотрудником Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ.)

Д.Б. Джабборов,
старший научный сотрудник Центра современных марксистских исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, к.э.н.

(Стенограмма выступления)

В первую очередь я хотел бы выразить благодарность ИНИРу за то, что пригласили на это мероприятие и позволили выступить. Это очень большая честь для меня. Далее, я хотел бы свое выступление посвятить не развитию производительных сил, а трансформации производственных отношений, которая у нас в обществе сейчас происходит.

(Бузгалин А.В.: Это упрек, который звучал в адрес всех докладчиков, поэтому Вы восполняете, наверно, то, что не сделали профессора.)

Я попробую хотя бы частично некоторые аспекты осветить. Потому что, с моей точки зрения, развитие производительных сил в конечном счете неизбежно, потому что так или иначе технологии развиваются, и мы этому воспрепятствовать не можем. Ускорить можем, в какой-то степени это зависит от нас, но тем не менее. А вот трансформация производственных отношений – это то, что больше зависит от нас. И те производительные силы, которые сейчас появляются новые, они, конечно, предоставляют нам новые перспективы, но в то же время приносят и новые опасности, о которых я сейчас пару слов скажу тоже.

Перечисленные Сергеем Дмитриевичем и другими участниками индустрия 4.0, интернет вещей и т.д. – я бы хотел добавить упомянутую здесь аналитику bigdata – большое количество информации, которое в конечном счете может развить не только текущие какие-то компоненты бизнеса, но в том числе государственное управление, государственное планирование и прогнозирование. Но, тем не менее, новые технологии приводят к тому, что высвобождаются дополнительные трудовые ресурсы. Это – одна из угроз, с которой что-то нужно делать, и те производственные отношения, которые сейчас в нашем обществе существуют, они не в полной мере, мне кажется, заботятся о том, что будет с этими трудовыми ресурсами. Существует большой риск

того, что человечество двинется как раз не по пути развития человека, а по пути подчинения тем производительным силам, которые сейчас есть, и тем товарам и услугам, которые появляются. В конечном счете, то общество, которое сейчас на Западе реализуется, имеет черты множества утопий, например, «451 градус по Фаренгейту», где мы видим, что людям в основном навязываются определенные какие-то товары, мобильные телефоны, другие различные услуги – сериалы, компьютерные игры и т.д. И молодежь, многие люди даже не интересуются тем, чтобы развить себя, заниматься саморазвитием, самореализацией, а в большей степени – интересуются такой сферой симулякров определенных.

Я считаю, что такая опасность, действительно, существует. Поэтому главная роль отводится вопросу о том, что мы должны ответить, каким образом общество будет распоряжаться современными технологиями, каким образом будут выглядеть отношения между людьми и предприятиями, на которых они работают, между людьми и теми благами, которые общество и различные компании производят, и организации. Кто будет главным в этих отношениях? Я думаю, многие слышали, в прошлом году был доклад организации Олдсфам о неравенстве распределения доходов в мире и богатстве. Там говорилось, что 50% богатств в современности принадлежит 1% или что-то такое людей. Так вот, недавно на Давосском форуме новый доклад Олдсфам вышел о том, что за прошедший год 82% мировых богатств перешло как раз к 1% богатому. Соответственно, там дополнительные всякие аспекты были, что с 2010 г. состояние миллиардеров увеличилось на 13% в среднем, т.е. в шесть раз быстрее, чем зарплата рядовых сотрудников. О том, что 56% людей живут на меньше 10 долл. в день и т.д. Так вот, это общество, в котором мы сейчас живем, и это можно изменить уже сейчас, т.е. это зависит от нас, не зависит от того, какими технологиями мы обладаем, и не зависит от того, к чему мы должны стремиться. На мой взгляд, тех технологий, которые у нас есть, достаточно для того, чтобы обеспечить базовыми потребностями практически каждого человека в мире. Но при этом мы этого не делаем. Наша задача, как в том числе и экономистов, состоит в том, чтобы изменить эти производственные отношения, чтобы обеспечить благоприятное развитие для каждого человека. И здесь как раз концепция о нообществе выходит на передний план,

потому что когда в обществе главное, основное место занимают знания, саморазвитие человека отдельного и посредством этого саморазвития общества в целом, такое общество действительно заботится и для него важен каждый член этого общества. В то время как та экономическая ситуация, которую мы видим сейчас, – со многими трудовыми ресурсами обходятся как с ненужными совершенно ресурсами человечества. Спасибо за внимание.

(Бузгалин А.В.: Спасибо Д.Б. Джабборову. Ну, можно переходить к приятной новости (поздравляет с защитой диссертации. Вручение грамоты. Аплодисменты). И я хотел бы обратить внимание на акценты, которые прозвучали в выступлении Джабборова, – на производственные отношения и проблемы неравенства. Это – та тема, которая поднимается в работах ИНИРа, работах С.Д. Бодрунова, и которая, мне кажется, очень органично пересекается с вопросом о переходе к ноономике, новому обществу, где приоритетом является развитие человеческой личности, а без решения проблемы неравенства такой переход, естественно, невозможен.

Мы переходим к еще более молодому поколению, у нас есть аспиранты и даже студенты. Аспирант Юго-Западного государственного университета Ольга Юрьевна Непочатых. Вам слово.)

О.Ю. Непочатых,
аспирант Юго-Западного государственного университета

(Стенограмма выступления)

Я буду максимально краткой. Основными причинами необходимости совершенствования промышленной политики являются: во-первых, промышленность – это базовая отрасль народного хозяйства страны, которая аккумулирует и развивает важнейшие научно-технологические достижения и обеспечивает материально-техническое развитие других секторов экономики. Во-вторых, адаптация промышленных предприятий к динамично изменяющимся условиям внешней среды может быть успешно осуществлена при активной поддержке со стороны государства. В-третьих, повышение уровня разнообразия и сложности задач управления развитием индустриального сектора экономики обуславливает потребность в обновлении механизма и реализации промышленной политики. На слайде вы можете увидеть принципы, по которым должна происходить реализация промышленной политики. Хотелось бы акцентировать ваше внимание на таких аспектах, как единство промышленной, инновационной, инвестиционной и социальной политики, сбалансированность интересов субъектов политики, единство действия разных уровней публичной власти.

В настоящее время нам необходим мобилизационный сценарий индустриализации с хорошо продуманными и просчитанными этапами.

В частности, одним из инструментов разработки стратегии развития промышленности может выступить процесс индикативного управления. Функции индикативного управления вы можете увидеть на слайде. А на данном слайде вы можете увидеть алгоритм функционирования действующих сил. Реализация индикативного управления гарантирует успешный выход на новый уровень отечественных предприятий, оптимизацию производственных сил, также позволит стандартизировать политику импортозамещения. На данном слайде вы можете увидеть реализацию кластерного подхода при разработке промышленной политики. Обратите внимание, что в

данном случае каждый кластер действует очень точечно, скажем так, по специфичному и по определенному разнообразию отраслевых мер государственной политики в каждой области.

Проведенные нами исследования позволили выделить следующие сектора экономики, которые являются приоритетным объектом для проведения государственной политики и снижения импортозависимости. Во-первых, это высокотехнологические производства. Во-вторых, это оборонно-промышленный комплекс, в-третьих, машиностроение, в-четвертых, аграрно-промышленный комплекс, в-пятых, это производство металлоконструкций и металлоизделий. Что касается мер поддержки в рамках политики импортозамещения, то они в первую очередь должны быть направлены на преодоление тех проблем, с которыми сталкиваются производственные предприятия, а разработка индикаторов, т.е. индикативное управление, в данном случае позволит совершенствовать именно политику, именно реализацию алгоритма и развитие стратегий промышленной политики. Спасибо.

(**Бузгалин А.В.**: Вы удивительно точно сформулировали проблемы, и, надеюсь, это поможет нам их решить. Спасибо, Ольга. И я рад предоставить слово Д.Д. Сорокину, имеющему уже большой титул и представляющему те самые сообщества обучающихся: Дмитрий – председатель Студенческого общества Финансового университета при Правительстве РФ.)

Д.Д. Сорокин,
председатель Студенческого общества Финансового университета при Правительстве РФ

(Стенограмма выступления)

Я без презентации, поэтому я еще более кратким буду. Уважаемые участники семинара! Я с интересом прослушал все выступления и хотел бы отметить, что и основной докладчик С.Д. Бодрунов, и все остальные выступающие удачно и правильно делали акцент на том, что необходимо искать новые подходы к человеческому капиталу, на котором будет базироваться уже не раз сегодня упомянутая новая индустрия. И в этой связи я хотел бы высказать свое небольшое соображение.

Я несколько лет назад, еще будучи в 10-м классе, принимал участие в конкурсе ВЭО научных работ молодежи. Моя научная работа заключалась в проведении такого социологического исследования (оно было сделано на базе моей школы), которое показывало – в каких сферах стремятся проявить свой человеческий капитал школьники, поступая в вуз, заканчивая его, соответственно. И результаты исследования показали, что, если в 8-м классе более половины опрошенных были готовы идти и строить свою карьеру в рамках реального сектора в промышленности, то в 11-м классе ученики ни одного % не дали согласия на то, чтобы идти в промышленность, и таким образом реальный сектор не был затронут вообще. Соответственно, возникает вопрос – где брать кадры для новой индустрии, на которой будет базироваться НИО, о котором говорил Сергей Дмитриевич? И в этой связи опять же вспоминается, что в Советском Союзе, когда была индустриализация в начале 30-х г., такой же вопрос возникал, поскольку страна была аграрная, страна была полуразрушенная, кадров для индустрии не было. И, если не ошибаюсь, в 1929 г. руководство тогдашней правящей партии приняло решение о массовом выпуске различного рода популярных журналов, которые с интересом рассказывали об индустриальных технологиях. Мне и отец в свое время говорил, и товарищи старшего поколения, что эти журналы просуществовали где-то до 60-х годов, были журналы «Знание – сила», «Радио» и др.,

соответственно, школьники, читая журнал, увлекались, они понимали, что эта сфера важна, и, таким образом, правительство им дало понять, чтобы школьники направляли свой капитал, потенциал на промышленную сферу, на реальный сектор. В наше время – скорее всего такой способ – выпуск журналов – будет неактуален, неэффективен, надо что-то новое, но в любом случае нужно искать какие-то подходы к решению этой проблемы. Честно говоря, сам не знаю, какие подходы можно найти, но я уверен, что в любом случае это надо делать, начиная со школы, а не в вузах. Спасибо, у меня все.

(**Бузгалин А.В.**: Спасибо большое, я думаю, это была полезная ремарка. И, дорогие друзья, прежде, чем завершить наш семинар, я хотел бы, чтобы мы вспомнили, что на свете есть не только студенты, аспиранты и молодые ученые, но и профессора. Здесь присутствуют два крупнейших специалиста, ну, одни из крупнейших, по проблемам ноосферного развития. Это профессора Субетто и Газизуллин. Я думаю, что не буду жестким волюнтаристом, если, вопреки программе, нарушу регламент. Итак, Н.Ф. Газизуллин, профессор, доктор экономических наук, главный редактор журнала «Проблемы современной экономики».)

Н.Ф. Газизуллин,
главный редактор журнала
«Проблемы современной экономики», д.э.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Уважаемые коллеги!

Во-первых, большое спасибо за приглашение и за ту тему, которая сегодня поставлена и бурно обсуждалась. Я хотел бы напомнить следующее, что российские экономисты, которые занимались именно проблемами национальной экономики, начиная с трудов И. Посошкова, проблеме рационального природопользования уделяли первостепенное внимание. Сегодня часто ссылались на Маркса, но почему-то никто не упомянул классическую работу Энгельса «Диалектика природы», где все об этом сказано. Далее, я вот абсолютно согласен с Дмитрием Евгеньевичем, хотя он в качестве гипотезы это высказал, но если мы хотим переходить к новой ступени развития, то в центре всего реформирования должен стоять не экономический человек, а человек экологический. В одной из своих работ в начале 2000-х г., кстати говоря, в первом номере нашего журнала, у меня такая статья была: «Человек экологический: новая методология государственного управления России». Затем было много предложений и т.д. В 70-80-х г. мы вдоль и поперек перепахали эту проблему – вы возьмите школу Хачатурова, Реймерса, Лемешева – нашего эксперта в ООН по проблемам природопользования. Я сам две диссертации на совете у Виктора Тимофеевича защищал. Первая называлась «Социально-экономические вопросы совершенствования социалистического природопользования», вторая – «Эколого-экономическое равновесие: методология, теория, практика в развитии общества». Дело не в том, что мы не занимались и не занимаемся, а дело в том, что властью это до сих пор не востребовано в том объеме, в котором этим нужно заниматься.

(Бузгалин А.В.: Спасибо. Действительно, очень важная ремарка, и А.И. Субетто – доктор философских наук и доктор экономических наук.)

А.И. Субетто,
д.ф.н., д.э.н.

(Стенограмма выступления)

Уважаемые коллеги! Я постараюсь очень четко сформулировать основные тезисы.

Первый тезис – хозяйство и экономика как денежное хозяйство есть природопотребление и природопользование. Поэтому через хозяйство человек взаимодействует с окружающей средой.

Второе: в 20-м веке произошел энергетический скачок воздействия хозяйства на живое вещество биосферы. Он произошел, по данным СПИРа, я бы его взял данные, в размере 10 в седьмой степени по отношению к предыдущей всей истории.

Третье: Зиновьев открыл закон, я его называю – интеллекто-информационного энергетического баланса. Этот закон звучит так – чем больше со стороны социальной системы, и хозяйственной, в том числе, энергетическое воздействие на биосферу или природу Земли, тем с большим лагом упреждения необходимо предусматривать негативные последствия и тем более долгосрочным должно быть управление. Неуправляемая рыночная экономика стала экологическим могильщиком человечества. На эту тему был написан доклад Мировому банку в 91 г. во главе с Гудвином, Дели, Эль Серафи. Гудвин и Дели – лауреаты Нобелевской премии. В этом докладе сказано: в экологические ниши, которые занимает человечество, рынок как механизм развития исчерпал себя. Поэтому на рыночном пути фактически грядет экологическая гибель человечества в 21-м веке. Экологические индикаторы и вся информация, которая поступает, – поступает на фрагментарный интеллект человека. К сожалению, проблемно ориентированный энциклопедический профессионализм, о котором сказал Легасов по урокам Чернобыльской катастрофы, не чтится. Поэтому у нас доминирует в образовании и окружающем мире профессиональный кретинизм, о котором говорил К. Маркс. На этой точке закончу, но фактически нужно резко изменить ситуацию во взгляде на человека.

(**Бузгалин А.В.**: Спасибо. Уважаемые коллеги, я думаю, для выступления Бузгалина времени уже не осталось, поэтому я ограничусь некоторыми маленькими ремарками и объявлениями.

Прежде всего я хочу поблагодарить СПбГЭУ, который предоставил нам этот замечательный зал, это пространство, в котором многие ученые мужи говорили на замечательные, серьезные, нужные и важные темы.

В самую-самую первую очередь я хотел бы поблагодарить ИНИР, С.Д. Бодрунова – его руководителя за то, что эта тема – тема движения от нашего глубокого кризисного состояния к новой индустрии и новому человеку поднимается и ставится в социально-экономическом, философском и культурологическом аспектах, самых разных аспектах на этой междисциплинарной дискуссии.

У нас сегодня получился очень интересный диалог молодых исследователей, членкоров, профессоров, кандидатов, это тоже принципиально важно. И это всего лишь одно из многочисленных мероприятий ИНИРа им. С.Ю. Витте. 2 апреля в СПб пройдет уже 4-й СПЭК, мы, как всегда, ожидаем огромное количество ученых со всех концов мира. Регистрация уже открыта на сайте ИНИР. До встречи на этом Конгрессе. Всем – большое спасибо. (Аплодисменты.))

Новое качество материального производства: социально-экономическая трансформация. Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики. / Материалы научного семинара / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2018. – 99 с.

Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.

Подписано в печать: 15.02.2018.
Тираж 1000 экз. 99 с.
Заказ № 2600451

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16